

18+

Раиса Крапп

Дашенька

Роман

Когда кто-то
отнимает
любовь, свободу
и саму жизнь...
В чём спасение?

Раиса Крапп
Дашенька. Роман

«Издательские решения»

Крапп Р.

Дашенька. Роман / Р. Крапп — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514372-3

В одном из турниров интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» знатокам был задан вопрос: «В романе Раисы Крапп описывается прибытие нового заключённого в тюремную камеру. Старожилы предлагают ему пройти испытание — побить нарисованного на стене тигра. Герой в ответ просит, чтобы тигр СДЕЛАЛ ЭТО. Виктимология изучает, почему некоторые люди не могут СДЕЛАТЬ ЭТО. Ответьте, что мы заменили на СДЕЛАТЬ ЭТО.» Ты, читатель, узнаешь ответ из этой книги.

ISBN 978-5-00-514372-3

© Крапп Р.
© Издательские решения

Содержание

Дашенька	6
Глава 1. Кирилл	6
Глава 2. Даша	11
Глава 3. Алла Елецкая	20
Глава 4. Костик Шалый	23
Глава 5. Размолвка с матерью	24
Глава 6. Аллочка	32
Глава 7. Встречи	36
Глава 8. Матери	42
Глава 9. Алла негодует и радуется	46
Глава 10. Костя предупреждает	50
Глава 11. Моделирование процессов	53
Глава 12. Жестокие игры	58
Глава 13. Утро	63
Глава 14. Уходи	68
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Дашенька Роман

Раиса Крапп

Дизайнер обложки Раиса Крапп

© Раиса Крапп, 2020

© Раиса Крапп, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-4372-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дашенька

Глава 1. Кирилл

Сказать, что он был атлетически сложен, что у него прекрасная фигура, – ничего не сказать. Рубашки, которые покупала ему мать, носились очень недолго – они просто с роковой закономерностью лопались на плечах или спине. Угрозидило же родиться таким. Ещё в школе учился, когда молодые бабы стали заглядываться на него, на пацана, а у мужиков появился повод для злости на него же. Злились за то, что он, сопля зелёная, иной раз вроде как в соперниках оказывался. И за то ещё, что связываться с ним рискованных не находилось. Правильно делали, конечно, потому как помнили одну историю, что раз по весне случилась.

Шёл Кир по своим делам. А навстречу – Людка. Людка эта была бабой замужней, и деток уж парочку имела, но вертлява была, слов нет! Одно сказать: бес в юбке. Мужик и поколачивал её за то. А с неё как с гуся вода – пока синяк не сойдёт, со двора ни шагу, а потом опять – как ни в чём не бывало. Бабы-то подначивали её, бывало, а ей всё смешки: «Ой, бабы! Васька мой, как сдурел! Неделю постель не застилала! Ну чистый супостат!» – и ведь глазёнки плутоватые блестят, по сторонам стреляют. Неужто можно так – сама придумала да сама и верит в побасёнки свои. Не, мужика своего она честно выгораживала. Ни разочку не слышал никто, чтоб она какое дурное слово на него бы сказала. Она вроде даже жалела его, что вот досталась же ему такая заноза.

Ну, так вот что тогда приключилось. Людка только Кирилла увидела, тут и заиграла натура её кошачья. Как бес подхватил: ног не чуя, павой пошла, глазками своими поволочными как мёдом обливала. А лучше б под ноги глядела. Там ей как раз колдобина обледеневшая подставилась. Людка только ойкнула, да и села. Глазёнками-то враз стрелять перестала, не до стрельбы, когда слезинки на ресницах повисли. Короче говоря – подвернула ногу.

Кирилл с земли её поднял, на ноги поставил. А поставишь разве, когда она на ногу ступить боится, в забор вцепилась перепуганная вся – думала, ведь, сломала ногу-то, оно в сапожке не видать, чего там.

И что Кириллу оставалось? Подхватил её, как девчонку, да и понёс в медпункт. И то ли сказал кто мужу-то Людкиному, то ли увидел он, а только разлетелся коршуном. Кирилл сзади топоток услышал, сначала внимания не обратил – мало ли кто по какому делу торопится. Потом всё ж обернулся, в тот момент мужик и налетел с кулаками. Людка в крик. Мужик ейный в крик, в мат перемат. И норовит Кирилла кулаками достать. Да всё в лицо метит. Кирилл сначала как-то уворачивался с Людкой на руках. Потом прислонил её опять к пряслу, и неторопливо так к мужику развернулся. Сграбастал одной рукой его за фуфайку, другой плюху полнуювесную отпустил – хватило, чтоб тот забыл, на каком он свете. И киданул его Кирилл в чей-то огород через забор. Мужик перелетел так, что прясло не кольхнулось даже. По понятию – и не бит, получается, только долго ещё мужик кряхтел, спиной маялся и материл Людку, когда она с советами да припарками совалась.

После, как аттестат об окончании получил, пошёл Кирилл на шофёрские курсы, тут же в райцентре. Парнишка он толковый был, и руки как надо приставлены, надо бы дальше учиться, а куда он от матери да от бабки? Кирилл для них вся опора и надежда, вся работа мужичья на нём одном.

Отец Киркин тоже, должно, жив был где-то, только где? Мальчонке годка два было, когда не захотела больше мать терпеть в доме пьяницу и дебошира, разошлась с ним. Мужик, волю вольную обретя, рванул куда-то, то ли на радостях, то ли от горя. Видать далеко закатился – ни

разу больше на сынка глянуть не захотел. А мать Кира, тогда молодая ещё бабёночка, осталась одна на всё про всё.

В деревне работа – известно какая, тяжело приходилось. А куда деваться? Слёзы рукавом утрёт, да дальше. И дровец на зиму долгую заготовить надо: привезти, напилить, наколоть, прибрать. И сена для коровки накосить. А огород? В сентябре подполье картошкой не засыплешь, так зима впроголодь будет. В общем, ясное дело, бабе работа эта не шибко-то сподручна. Ну и надорвалась баба. Болела долго. Может, потому больше и замуж не вышла. А может, одного хватило, нажилась замужем досыта.

Да и рос в доме мужик-то. Чуток в разум вошёл, за всё хвататься начал, под силу, не под силу ли, а матери помочь старался. Мать он сильно жалел. Даже в этом не в отца пошёл. Жили-то они втроём, бабуля ещё была. Только не по матери бабушкой она Кириллу приходилась, а по отцу. А матери, стало быть – свекровью. С мужем развод получился, а со свекровью нет. У бабки никого больше и не было, кроме беспутного сынка, так не гнать же её на улицу. Так и остались втроём. Жили дружно. А чего делить? Богачества не нажили, всё богатство ихнее – Кирюша. Не его же делить, тянуть друг у друга.

На Кира мать с бабкой нарадоваться не могли. Хоть бывало, и в подпитии домой являлся, и с синяком, и бабы опять же, как пчёлы круг него вились, а ему это не то чтоб шибко нравилось, но и не противился – забавлялся. А всё ж добрый он был парень, никакой обиды дома от него не видали.

Шибко переживали мать да бабка, когда годы Кира подходили к армии: как им без Кирюшеньки? А, не дай Бог, ещё случится что, вон ведь времена беспокойные какие пришли. Обивала мать пороги, и к военкому стучалась, и в сельсовет, просила не забирать сына – и ведь умолила-таки! Такое диво случилось, что пожалели баб, оставили им надёжу ихнюю. Шибко мать была председателю сельсовета благодарна. Видать, он кому надо замолвил словечко за них.

Вот так и жили – не тужили. Кирилл шоферил, семье куда легче стало – и денежки завелись, и машина в руках всегда. Если чего привезти, так не надо никому кланяться, просить. Раньше-то было: шофёра с машиной найди, соседа в помощники-грузчики уговори, рассчитайся, да так, чтоб не обидеть, а то в другой раз откажут. Намыкались бабёнки без мужика-хозяина. А теперь никакой беды не знали, как у Христа за пазухой за Кирюшей. Наоборот, к ним с поклоном шли, у Киры помощь просили.

Так года три, наверно прошло. Кирилл ещё здоровее стал, заматерел, весь литой будто. Живая греческая скульптура, а не человек. А тут ещё рубаха у него появилась необыкновенная, которая обливала плечи и грудь как вторая кожа, и рыбинами ходили под ней бугры мышц.

С рубахой этой своя история вышла.

Места окрестные были дюже красивые, и если доводилось местным где-нибудь за селом человека с мольбертом и кистями-красками встретить, уже и не в диковину то было, привыкли. Вот и эта бабёнка, что к истории с рубахой причастна, тоже приехала рисовать пейзажи. А когда увидела Кирилла, стала уговаривать, чтоб он согласился ей позировать, а она, значит, рисовать его будет. Деньги даже предлагала. Мол, есть такая работа – натурщиком быть, и, мол, не такая она и лёгкая, за неё положено деньги платить. Вот смехота, это ж надо! Кир и смеялся, понятное дело, всерьёз её уговоры не принимал. Ну в самом деле – бугаина этакий будет сидеть как болван. «Давайте, я вам деда Мотю приведу! Он у нас тоже... фактуристый, огого! А сидеть – это он терпеливый. Он и так весь день на завалинке сидит, не шевельнётся, похрапывает, правда, слегка. А мне недосуг, вы не обижайтесь».

Обижалась художница или нет, кто её знает, но что огорчил её Кир, это точно. Так и уехала ни с чем, как отпуск у ней кончился. А короткое время спустя – бандеролька на Кирилла пришла, и в ней та самая рубаха. Смеялись мужики, мол, за что она тебя благодарит-то, Кирка? Но это так, от дури. Художница эта городская – баба хорошая была, не вертихвостка какая, и про красоту, видать, хорошо понимала, потому что больно уж пришлась эта

рубаха Кириллу. К тому же, единственная, в которой он не боялся повернуться неосторожно, – тонкая, эластичная замша силушки его не боялась. Ох и хорош он в ней был!

...Как-то зимой, на воскресной дискотеке, заметил Кирилл девчонку. Кнопка, школярка. Внимание обратил потому лишь, что лицом нездешняя. Что за незнакомка? Откуда взялась? В гости к кому или что? Оказалось – приезжие. Мать да дочь, приехали недавно, домишко маленький купили. Мать – портниха, мастерица, бабы уж заказы ей понесли, а дочка в школу пошла, то ли в девятый, то ли в десятый класс.

Кирилл, тогда, на танцах-то, шутейно сказал в компании, мол, портниха – выгодная тёща, надо с дочкой отношения наладить. Тут как раз музыка заиграла, он и пошёл к девчачьей стайке, где приезжую и видно-то еле-еле было за подружками.

Девчонки траекторию Кира немедля вычислили – запереглядывались, прыская в ладошку, вроде бы шибко смешно им стало. Какое там смешно. Ждали, кому радость нечаянная от небывальщины такой выпадет. Кирилл на дискотеках раньше и внимания на них не обращал, они для него малышня. И вдруг – идёт! К кому?

А приезжая и не смотрела, и не видела, какие дивные дела вокруг неё происходить начали, переговаривалась об чём-то с подружкой. И только когда заметила, что подружка уставилась на кого-то и глаз не сводит, тоже обернулась. И увидела Кирилла. Вернее – кого-то большего перед собой, заслонившего и зал, и танцоров. Она поднимала глаза, и всё никак не могла дотянуться взглядом до его лица.

– Пошли, потанцуем, – протянул он к ней руку.

А она не то, чтоб испугалась... так ошеломлена была, что и не испугалась. Подумала только: «Да что ж он такой огромный... Как танцевать с ним?»

– Пойдём? – опять позвал он. И она послушно шагнула к нему.

Ей невдомёк было, сколько взглядов на них сошлось. И хорошо, что не знала – скраснела бы и не нашлась куда глаза девать, и ноги бы деревянными чурками сделались.

Из колонок лилась медленная мелодия, под которую топтались пары.

Сначала Кирилл молчал, смотрел на неё сверху. Чуть улыбаясь, разглядывал густые длинные ресницы, губы. Кожа у неё была чистая-чистая и нежная. И шёл от неё еле различимый удивительный аромат. Угадывался в нём запах звонкого, чуть морозного осеннего утра, когда палая листва оторочена лёгким кружевом инея; а ещё он был близок нежному аромату лугового цветка кукушкины слёзки. Цветок этот такой недотрога, букета не собрать – лепестки сомнутся, хрупкий стебель переломится. Пока высокие влажные травы его хранят, он сильный, а сорвёшь – он и погиб. При том благоуханием его не надышишься, до того хорошо!

Пушистые каштановые волосы, собранные на затылке синей ленточкой, спускались на спину, и Кирилл чувствовал их щекочущее прикосновение к руке. Ещё он чувствовал, как напряжена её спина и как робки ладошки, касающиеся его груди. Кирилл передвинул широкую свою ладонь вниз по спине, на тоненькую талию и чуточку привлек её к себе. Девчонка вскинула глаза, для чего ей понадобилось запрокинуть голову, и сейчас же отстранилась.

«Ишь ты, пугливая какая!» – подумал Кирилл и, наклонившись, спросил:

– Тебя зовут как?

– Даша.

– А меня Кирилл. Ты пионерка?

– Н-нет, – растерялась она.

– А чего танцуешь по-пионерски?

Глаза её вдруг стали сердитыми и колючими – точь-в-точь два серых ёжика.

– Как умею, так и танцую.

– Обиделась?

– А чего ты...

– Чего?

– Тискаешь! – сказала она, и щёки порозовели.

Кирилл рассмеялся:

– Так если я перестану сейчас тебя держать, ты ж упадёшь. Отпустить?

Девчонка только сердито взмахнула на него пушистыми своими ресницами и не нашлась, чего сказать.

Больше Кир танцевать её не приглашал, но забавлялся тем, как ей не по себе под его взглядом, и рассматривал её издали. Какое-то время погода вышел с парнями покурить. Отошли от входа, в темноте их кружок угадывался лишь красными огоньками сигарет. Был вечер новолуния, темно по-ночному, свет из окон Дома Культуры лишь чуток разгонял ночь. Но она далеко не убежала – три шага от дверей, и уже руки своей не разглядеть.

Кирилл случайно увидел, как в светлой полосе мелькнула приезжая девчонка и ускользнула в темноту. И будто чёрт его подтолкнул – забавы ради не дать ей убежать незаметно. Как был – в дублёнке нараспашку, без шапки, перемахнул заборчик, и, срезав дорогу, опередил её. Стоял, прислонясь к дереву на обочине, и глядел, как проступает в темноте, приближается светлое пятнышко её вязаной шапочки. Снег громко и торопливо скрипел под её сапожками. Она почти пробежала мимо, когда он окликнул:

– Не страшно одной?

Девчонка вскрикнула и отпрянула в сторону.

– Да что ж ты такая пугливая? – не трогаясь с места, почти с досадой спросил Кирилл. – Чего с подружками не пошла, если пугливая?

– Они... не захотели... – пролепетала она.

– Ну, пошли, провожу.

– Не... надо меня провожать, – запнувшись от спешки, возразила девчонка.

– Пошли, ты ведь тут, небось, любой дворняжки боишься.

Наверно, он угадал, потому что девчонка на этот аргумент не нашла возражения.

Кирилл молча довёл её до ихнегодомишки. Ему как-то расхотелось посмеиваться над её робостью. И почему-то вспомнилась вертихвостка Людка. Против неё Даша была совсем ребёнок, с бесхитростными, чистыми глазами.

Она шла быстро, торопясь оказаться дома и скорее избавиться от провожатого. Кирилл остановился у калитки. Девушка приостановилась только на секундочку, пробормотала: «Спасибо, что проводили», и собралась прошмыгнуть во двор, но Кирилл чуть придержал ворота.

– Даш, постой... ты это... Ты извини, если напугал. Ты не бойся, некого у нас тут бояться, не тронет тебя никто. Честное слово.

Потом они встретились как-то днём. Кир ехал на машине, а она шла навстречу. Он поосигналил и притормозил, высунулся из окна:

– Привет, Дарёнка!

– Здравствуйте...

Кирилла смешило, что она говорит ему «вы», но он только улыбнулся.

– Как дела? Двоек много нахватала?

Прищурившись от солнца, она ответила:

– Свои бы лучше считали.

– О! – удивился Кирилл. – Какие это – свои?

– Да хоть прошлые.

– Это откуда же тебе известно про мои двойки? – вкрадчиво поинтересовался Кир. – Признавайся, Дарья, расспрашивала обо мне?

– Вот ещё! – слишком поспешно воскликнула она и покраснела.

– Вот, значит, так, да? Ну, гляди, Дарья, я это учту!

С тех пор завязалось про меж них что-то – знакомство не знакомство, а не миновали друг друга, чтоб не переброситься парой слов. Ясно, что всякий раз то была инициатива Кирилла. Его забавляло, как она теряется, краснеет, сердится.

А может быть, Кириллу казалось занятным, что эта девчонка не пыталась с ним кокетничать, не стреляла глазёнками. В отличие от других, она не высматривала его в кабине машины или в толпе парней у кинотеатра.

У Кира уже было достаточно опыта по части женских приёмчиков, и он безошибочно разгадывал бабьи интересы за не шибко-то хитрыми уловками. Так вот у Дарьи никакого интереса к нему не было, и все её чувства читались – будто на ладони лежали. Его внимание вызывало в ней скорее досаду. И злилась она по-настоящему, а терялась от неожиданности. Нет, она не была робкой, стеснительной школьницей с косичками, могла съязвить, а то и взглядом одним так ответить на неловкую шутку Кирилла, что он потом себя же и корил: «Медведь чёртов!» И вообще, она с ним была как ёжик – вмиг выставляла колючки. Кирилл даже недоумевал: чем уж так не угодил, чего она каждое его слово на штык принимает?

Ему невдомёк было, что девчонки давно поддразнивают Дарью, выпытывают, вроде как смехом: «Ты ходишь с ним что ли? Ой, да ладно тебе скромницу-то из себя строить! А то мы слепые будто! Он же тебе проходу не даёт!» А подружка предостерегает: «Ты смотри, Даш. Кирка бабник тот ещё! Ему с тобой звёздочки считать не интересно, ему другое надо. Ой, ну что ты скрытничаешь, Дашунь?! Мне-то могла бы рассказать. Ну не видела, ну и что? Ой, да так что ли не понятно?»

Дашу поначалу вроде бы не сильно это задевало. Она то смеялась на эти подначки, то отшучивалась, то мимо ушей пропускала. Но иногда всё же – доставало. Почему-то неизменно раздражали её короткие реплики Алки Елецкой.

Девчонка эта училась в том же классе, и была хороша собой: высокая, зрелая, с красивыми светлыми волосами. Она знала цену своей внешности и как должное принимала восхищение подружек: «Ой, Алка! Какая же ты красивая!» Но завистливые вздохи подруг давно перестали её волновать, имелись мишени куда интереснее, и Алла с удовольствием испытывала свой арсенал многозначительных взглядов и эффектных поз, которым владела в совершенстве, была ходячим пособием «Как завлечь мужчину». Иногда она развлекалась: выбирала объект эксперимента и заявляла подружкам: «Спорим, он сегодня со мной уйдёт!» Спорить с ней никто не хотел, к тому же, нередко объектом этим оказывался дружок одной из них. Но Аллочка только посмеивалась, а выходило всё по её. Обижались на неё, злились. Только проку от этого никакого не было, привыкла девка получать желаемое. Мать у неё была не из простых – прокурорша. Строга была, боялись её. А дочке единственной попустительствовала во всём, и Алка из матери верёвки вила.

К новенькой Елецкую будто тянуло что. То комплиментами её осыпала: «Ой, Дашуня, какие же у тебя глаза красивые! А фигурка! Мне бы такую!» Дарья только морщилась в ответ. А то вдруг Алочка начинала цеплять её, старалась вывести из себя, и, если это удавалось, испытывала явное удовольствие. А Дашу и в самом деле задевало, когда та роняла с небрежением: «Да что ты отнекиваешься? Слышал кое-кто, что Кирюха сказал тогда на танцах. „Пошёл, – говорит, – отношения с новенькой налаживать“. Мне так лично, больше ничего и знать не надо, – жала Алка плечами. – Дурному ясно, какие отношения Кирке нужны».

Все эти разговоры яйца выеденного не стоили. Но когда окружающие раз пять на дню спросят, намекнут, сообщат многозначительно, и всё на тему Кирилла, тут уж, хочешь не хочешь, а количество перейдёт в качество. И Даше это порядком надоело. Иной раз, в запале, решала, что всё ему выскажет, пусть отцепится он, наконец, от неё! Но остывала и думала – а что высказывать-то? Кирилл к ней и не цепляется. И всё оставалось по-прежнему.

Глава 2. Даша

Весна была скорая. Снега начали сходить так дружно, что земля не успевала оттаять, и вода с трудом уходила в стылую почву. Речка вышла из берегов, широко разлилась по пойме. Изобильная весенняя вода по низинам и руслам ручьёв вошла даже в село. По иным улицам только в высоких броднях и можно было пройти, а то и вовсе в лодках-плоскодонках людей перевозили через мутные, паводковые воды.

В тот раз из кабины своей машины Кирилл увидел Дашу на обочине дороги. Она растерянно стояла у поворота: ей надо было свернуть на свою улицу, но самое её начало, полдюжины метров, скрыла широко разлившаяся протока – талая вода переполнила придорожную канаву и потекла прямо через дорогу. Утром ещё Даша проходила тут посуху, а назад теперь как? Стояла Дарья не одна, а ещё с двумя девчонками-одноклассницами. Видать, из школы шли, и теперь придумывали, как помочь подружке попасть домой.

Кирилл затормозил.

– Привет, девчонки! Что, Дарёнка, вплавь придётся тебе домой добираться, а?

– О, Кира! Привет! – заулыбались подружки. Даша же бросила на него короткий обиженный взгляд и повернулась к подругам:

– Ладно, да завтра.

– Эй, Дарья, ты куда?! Стой! Там же глубоко, начерпаешь в сапоги! – забеспокоился Кирилл, видя, что строптивая девчонка наладилась идти вброд. – Да стой ты, я перевезу! Слышь, Дарья!

Она только глянула сердито через плечо и, не остерегаясь, разбрызгивая воду, пошла по скрытой под водой дороге.

– Да ты что! – Кирилл выпрыгнул из кабины, догнал и схватил её за руку. – Рехнулась, что ли? Вода же ледяная!

– Не трогай меня! – Даша вырвала руку, упёрлась в него глазами. – Тебе что надо? Тебя просят что ли?

Он посмотрел вниз, на её коротенькие полусапожки, внутрь которых лилась вода, бросил взгляд на девчонок сзади, с интересом глядевших на них. Усмехнулся. И вдруг наклонился, подхватил её рукой под коленки и выдернул из воды.

– Отпусти меня сейчас же! Отпусти! – начала отпихивать его девушка.

– Ну-ка, тихо мне! – прикрикнул Кирилл. – Искупаться хочешь? Тетрадки свои лучше держи, уронишь в воду.

Он без всякого усилия нёс её на руке, как носят ребёнка. Вышел на сухое и отпустил – в сапожках громко хлюпнуло.

– Беги скорей, а то заболеешь.

– Послушай... что ты ко мне вяжешься? – сказала она зло, с негодованием, но в лицо ему не смотрела.

– Я?! Вяжусь к тебе?! С чего ты взяла такое? Не вяжусь я к тебе!

– Ты это не мне скажи!

– А кому? – сощурил глаза Кир.

Даша сжала губы и отвернулась. Кирилл повёл глазами туда, где всё ещё стояли любопытные Дарьины подружки. Одной из них была Алка Елецкая, другую он знал только в лицо. Аллочка, склонив голову, с усмешкой говорила что-то тихо, а глядела на них.

– Ладно. Так я и сделаю. А ты, правда, Дашунь, давай домой быстрее.

Он повернулся и вошёл в воду.

– Кирилл! – услышал он негромкий голос, обернулся. – Не надо лучше...

– Дурочка ты. Давно бы мне сказала. Иди, не стой. Заболеешь ведь.

Она помедлила, будто хотела что-то ещё сказать, потому повернулась и быстро пошла прочь.

Не дойдя до сухого, Кирилл позвал Аллочку:

– Ну что, тебя, может, тоже перенести?

– Ой, Кира, осчастливишь! – кокетливо рассмеялась девушка. – Я тогда даже согласна сама назад брести!

– Ну, иди, – протянул Кирилл руки.

Решив, что шутка продолжается, Алка подошла к самой кромке воды, вся устремившись к подходившему Кириллу. И оказалась у него на руках. Он повернулся и пошёл от берега.

– Нет, я передумала! – заторопилась остановить его Аллочка.

– Чего так? – встал Кирилл и опустил её с рук.

От неожиданности и обжигающего холода девушка взвизгнула.

– Ты с ума сошёл что ли?! – она рванулась на берег, но Кирилл придержал её за плечо.

– Алька, я слышал, ты треплешься про Дашку и про меня?

– Ой, да враньё это! – чуть не плача, заторопилась Елецкая.

– Конечно враньё. Ещё про нас с тобой – туда-сюда, а про эту кнопку – смехота одна.

– Ты что? – забыв, что стоит по щиколотку в холоднющей воде, уставилась на него девчонка. – Что – про нас? – она быстро глянула на подружку, с жадным любопытством смотревшую на них.

– Как что? Про Дашку нашлось же.

– Ну ты даёшь, Кира... – пролепетала Алла.

– Ладно, мне ехать надо, – обошёл её, хлопнул дверцей и уехал.

Потом Аллочка рвала и метала, только что ни плакала от злости на себя – чего растерялась? Чуть ли не впервые Кирилл заговорил с ней, да ещё о чём – это был такой шанс! Поддержать, продлить разговор, пустить в ход свои приёмчики, где пошутить, где поддразнить, вынудить на следующую встречу, что, по сути, свидание! А она, как дура-деревенщина, растерялась, залепетала невесть что, заблажила. Впервые в жизни язык присох к небу, подвел её в такую важную минуту. Впору по голове себя стучать!

...Была такая черта в характере Кирилла – независимость. Если он сам не осознал необходимости вести себя так, а не иначе, ничто не могло заставить его поступить в угоду чьему-то желанию или мнению. И на досужие сплетни ему было наплевать, лично его они нисколько не беспокоили, да он и не знал ничего об этом. Но оказалось, что девчонка Дашка от них страдает, а это уже было ему не безразлично. Своих отношений с ней Кирилл менять не собирался – а вот на чей рот следует замок повесить, догадывался. И языки об девушку чесать перестали. Хотя Кирилл так же выделял её среди прочих, при встрече перебрасывался парой слов, шуткой. Только теперь он стал с ней как будто бережнее.

У Даши закончился учебный год, началась благодатная летняя пора с быстрыми грозами, долгими днями и вечерним тихим покоем, подобным парному молоку, разлитому в воздухе. Речка давно вошла в берега, посветлела, повеселела и щедро дарила прохладу в жаркие дни.

Дашутка то пропадала на берегу, то загорала в садике с книжкой, а то хлопотала по дому: летом ведь не один только отдых – в селе работы всяко побольше, чем зимой. Хоть вон огороды возьми: сорняки так и норовят головы повыше высунуть. А деньки, жаркие да ясные, вечером изнанкой оборачиваются – сколь ведер воды надо в огород перетаскать, лунки да грядки щедро улить, руки-то вёдрами тяжеленными повытянешь. А поленишься, плеснёшь скупой рукой, так лучше уж и вовсе не поливай, только земля коркой сухой возьмётся.

Мать день целый на работе в ателье, а потом ещё и дома шьёт, заказов у неё всегда вдоволь. Так что Даша в доме незаменимая помощница и надёжа, она сама старалась побольше матери помочь. Да на неё поглядеть – оно вроде всё легко да весело, не работа будто, а забава. Хозяйство у них, правда, не шибко и велико – поросёнок да куры, а всё ж ухода да пригляда

требует. А, котёнок ведь ещё! Любопытный пройдоха. Из-за него раз целое приключение случилось.

Забрался он на яблоню у дома, чуть ни на самую верхушку. А назад слезать – никак, забоялся. Даша и звала его, и плоскокой с молоком манила – нет, ни в какую. Мяучит жалобно сверху, и всё. Полезла она его доставать. А яблоня, известно, дерево ненадёжное, хрупкое. Даша тихонечко, осторожненько, чуть не ползком – ещё чуть-чуть повыше и дотянется. И тут снизу голос:

– Стой! На ту ветку не вставай!

От неожиданности ли, или оттого, что, вздрогнув, обернувшись поспешно, а только качнула Даша яблоню резко. Котёнок сорвался сверху, на плечо ей свалился, она хотела поймать его, да тоже оборвалась вниз. Но не успела испугаться, как оказалась в крепких руках. Кирилл успел подскочить от калитки и во время подхватил её.

– Цела? Не ушиблась? – спросил встревоженно.

– Ой, сними его! – кривясь от боли, Даша пыталась отцепить до смерти перепуганного котёнка, он когтями вцепился ей в плечо, защищённое лишь узкой бретелькой летней маечки.

– Постой, постой, не тяни!

Кирилл стал тихонько отцеплять острые коготки.

– Ох ты, как он расцарапал тебя! Мать-то дома?

– Нет, пошла с примеркой к кому-то, – ответила Даша, морщась от вида глубоких царапин.

– Тогда придётся мне экстренную помощь тебе оказывать, больше никому, – улыбнулся Кирилл. – Йод у вас имеется?

– Наверно... Да я сама...

– Пошли, пошли, чего там сама?

Даша коротко взглянула на него и направилась к двери.

– Уй-й-й-й! – запищала Дашутка, когда Кирилл короткими прикосновениями прижёт ранки. – Ой, как жжёт!

– Потерпи чуточку, – сочувственно сказал Кирилл и подул на пораненное плечо. – Сейчас пройдёт. Хорошо ещё, что так. Вовремя я подошёл.

– Конечно! – смаргивая выступившие слезинки, с вызовом сказала Дарья. – Если б не ты, я бы не свалилась!

– Да ты же на треснутую ветку собиралась встать! Там прямо у ствола трещина.

– Правда? А я не видела, – смущённо улыбнулась Даша.

– Ну что, проходит?

– Ага.

– Кошачьи когти опасные, заразы на них всякой много. Долго, наверно, болеть будет.

Даша вздохнула. Возникла неловкость. Вроде бы Киру больше нечего было здесь делать, а уходить не хотелось, хотелось ещё побыть рядом с этой малёхой, близко видеть её лицо, глаза. Он обвёл глазами тесную комнату.

– Как вам у нас, нравится?

– Да, хорошо здесь. А летом так совсем здорово – речка, простор.

– А люди?

– Что – люди? Добрые. Вон мебели надавали. Всё самое необходимое у нас от людей. Стол, кровать. Табуретки вот, тоже.

– А тебя не обижают?

Дарья потупила глаза, торопливо помотала головой.

– Ты извини, что я на тебя кричала тогда. Мне так стыдно потом было... Извини.

– Да ладно тебе. За что извинять-то? Только лучше сказала бы раньше.

– Ну как сказать... стыдно.

– Смешная ты, – проговорил Кир, чувствуя, как сердце заполняет что-то большое и тёплое. И нестерпимо захотелось прикоснуться к её волосам. – Ну, пойду я, – он неловко встал.

– Спасибо, Кирилл, – поднялась Даша тоже.

Он взглянул на котёнка, жадно припавшего к блюду с молоком, и строго сказал:

– В следующий раз залезешь не дерево – не ори! Вей гнездо и ложись спать.

Даша рассмеялась. Кирилл протянул руку и в насмешку слегка растрепал её волосы.

– Бывай, Дарёнка!

...Совхоз объявил, что нужны помощники – всходы сахарной свёклы одолевали сорняки. Кто сколько может, хоть рядок-два. Не задаром, понятное дело: хочешь, деньгами рассчитаются, а можно и сахаром, который из этой свёклы производят. Работа, конечно, не из лёгких. На одном-то ряду наломаешься, пока пройдёшь: и потом обольёшься, и поясницу разломит. Они ведь не коротки – поле километра на два с гаком вытянулось. Но Даша решила немного подработать – всё в дом копейка лишняя, маме помощь. Долго ли ей по утренней прохладце рядок пробежать, пока солнце жарить не начало?

Только с утра не получилось, в первый же день чуть не сбежала с поля – мошकारа доняла. Каждый взмах тямки выгонял из травы эту вредную кусачую мелюзгу, которая немедленно облепляла ноги, руки, лицо. И не знаешь, тямку держать или от мошकारы отмахиваться. Нет уж, лучше подождать, когда солнце заставит всю эту вредность запрятаться поглубже в тень, в холодок.

Даша выводила из сарая свой старенький велосипед, привязывала к раме орудие труда и – вперёд, за село, и дальше, дальше по мягкой просёлочной дороге. Мимо выпасов, прозрачных рощиц, сквозь сенокосные луга. Хорошо! Тёплое солнышко, высокое небо, птичьи трели, стрёкот кузнечиков... Где-то далеко тарахтит трактор. А вот и поле, вот её рядки!

Иногда на соседних тоже кто-нибудь работал, иногда тёмные фигурки виднелись где-то вдаль, а часто она оказывалась на поле совсем одна, и это уединение не пугало, а наоборот, нравилось.

Дарья скидывала майку, джинсы и оставалась в купальнике – в работе самый загар. Да и не так жарко, ветерок остужает. Работа не в тягость, хоть и тяжёлая и монотонная. А всё же хороша тем, что не мешает уноситься мыслями далеко-далеко. Фантазии прогоняют скучную монотонность, в фантазиях она не здесь, не на свекольном поле.

Сегодня было совсем безлюдно. Стояла тишина, солнце пекло плечи, но обгореть Даша не боялась – кожа давно покрылась ровным коричневым загаром. От начала рядка она отошла уже так далеко, что края поля стало не видно. Размеренно взмахивала тямкой, подрубая корни сорняков. На таком солнце они скоро вяли, никли листочками.

И вдруг Даша услышала глухие звуки ударов о землю – кто-то ещё работал неподалёку. Она обернулась и растерянно выпрямилась – сзади по соседнему ряду шёл Кирилл. И был-то уже не далеко, а она так задумалась, что не слышала его. И как подъехал не услышала. Машина его виднелась у края поля, там, где начинались ряды.

Даша никогда раньше не встречала его на прополке свёклы, да он и не должен был здесь появиться, он на работе должен в это время быть! О, Господи! Да лучше бы его здесь и не было!

– Привет, Дашуня! – разогнул он спину и помахал рукой. – Отдохни чуток, вместе пойдём.

Какое там отдохни! Даша готова была бегом пробежать остаток ряда, только уйти бы от него. Конечно, никуда она не побежала. Стояла и ждала, глядя из-под руки. И ни за что не показала бы, как перетрусилась от неожиданного его появления. Нет, обиды от Кирилла она никакой не ждала. Но при встрече с ним у неё всегда сердечко ёкало, да те-то встречи мимолётны были, на полминуточки... Ох, и далеко ещё до края поля! Да хоть бы она майку и джинсы не снимала! А он уже в трёх шагах, тямка в его руках как игрушечная, сама летает без всяких усилий.

– Устала? – останавливаясь, спросил Кирилл.

– Да так, немножко.

– Пить хочешь? – не дожидаясь ответа, он потянул фляжку из чехла, закреплённого на поясном ремне.

Даша отпила несколько глотков – пить давно уже хотелось. Кирилл тоже припал к горлышку губами, запрокинул голову.

– А я еду мимо, гляжу – кто это там? Ну и решил: дай помогу маленько. Как раз тятка в кузове валялась, – весело сообщил он.

– Так ты... за меня что ли?

– Ага.

– Ой... ну зачем ты... не надо.

– Да брось, я сидеть устал, так хоть размяться чуток, – он принялся за работу, и тяжёлая, глинистая земля под его ударами показалась рыхлым, рассыпчатым чернозёмом.

Было одно удовольствие смотреть, как играючи он работает. Даша с усилием оторвала взгляд и взмахнула тяткой.

– Эй, ну-ка постой! Ты чего босиком-то?

– А что?

– Да нельзя босиком. Долго ли по ноге чиркнуть? А тут земля, грязь попадёт. Ох, Даш, ты как малый ребенок! Где обувки твои? На краю оставила?

Даша виновато кивнула, и вправду чувствуя себя провинившимся ребёнком.

– Я принесу.

– Ну что ты, я сама сбегая!

– Жди здесь. Не вздумай тяткой махать.

– Вот, теперь порядок, – вернувшись с Дашиными тапочками, он снова взялся за работу. – Как там котёнок поживает? На яблоню больше не лазит?

– Нет, не лазит, – улыбнулась Даша. – Боятся, что гнездо вить заставят.

– А меня вчера Бимка наш насмешил, собака наша. Днём понадобилось мне домой заехать, а на двери замок. Ну, ключ мы на гвоздике укромном оставляем, я туда, а гвоздь пустой. Бимка рядом крутится. Я чертыхнулся, что ключ не оставили, и говорю: «Где ключ-то, Бим?» – и повернулся уже с оградой идти. Воротца закрываю, глянул, а он стоит и в зубах ключ держит.

– Правда? – засмеялась Даша.

– Ага! Бабуля, видать, неловко его повесила, он и свалился в траву.

– Ну, молодчага ваш Бимка! Умница!

– Такой умный пёс, что иной раз только диву даёшься, даром что дворняга. Да что пёс – собакам положено быть умными. А вот кот был у нас, Боцман...

– Как?

– Боцман.

Даша снова рассмеялась:

– Смешное имя!

– Да? А я привык, не замечал. Охотник он был классный. За мышами к соседям ходил, потому что у нас и дух мышинный перевёлся. Даже не знаю, сколько ему лет было, но старый. Я сколько его помню, он всегда был здоровенный такой котяра. И вдруг исчез раз. День нету, другой, третий. Мама с бабулей заперезживали – не помер ли где. Пришёл аж через неделю. Грязный, шерсть клочьями, и – не поверишь – принёс в зубах маленького котёнка. Затащил в дом, облизал и ушёл. Насовсем ушёл, больше мы его не видели. А котёнка, выходит, себе на замену принёс. Так он у нас и остался, вырос теперь уже.

Слово за слово – разговор завязался. Оказалось, с Кириллом легко разговаривать и просто, и ничего страшного в присутствии его нет. Только, видать, времени свободного у него не так много было, раз глянул на часы, другой. А Даше уже и жаль вроде бы, что уйдёт скоро.

– Даша, ты в кино пойдёшь сегодня?

– Да собирались с девчонками.

– А со мной пойдёшь?

– Ой, Кирюша, я не могу!.. – вырвалось у неё испуганно.

Он остановился, в медленной и широкой улыбке приоткрылись ровные зубы.

– Как славно ты меня назвала.

– Я... нечаянно...

– Почему не можешь, Даш?

Она неопределённо повела плечиком, не поднимая глаз.

– Опять сплетен боишься? Ну, сплетни тогда больше плетутся, когда хочешь от людей чего-нибудь скрыть. А если не прячешься, так и не интересно языки чесать.

– Я и не прячу ничего. Что мне скрывать?

– А мне есть что. Только не хочу я украдкой. Пусть видят, пусть смотрят. Да и так уж всем видно, что ты мне нравишься. Чего мне седьмой дорогой тебя обходить? Я вон вчера видел, как ты воду с колонки несла. Думал, переломишься. А мне бы эти два ведра – тьфу. Я четыре ношу – два на коромысло и два в руки. Даш... ты, может, боишься меня? Ну, я же не виноват, что медведем таким уродился.

Они одновременно обернулись на треск мотоциклетного мотора.

Самого мотоцикла видно не было – полевая дорога, укатанная колёсами тракторов да грузовиков, ушла вниз, лежала пониже поля. Да ещё мешала стена густого и высокого бурьяна вдоль неё. Над верхушками трав мелькал только красный шлем мотоциклиста.

– Вот принёс чёрт! – хмыкнул Кирилл.

– Кто это? – не поняла Даша.

– Начальство твоё.

Звук мотора прервался и появился хозяин. Чуть постоял, взглядываясь в их сторону, и зашагал между рядками

– Бог в помощь, – сказал он Даше и повернулся к Кириллу: – А ты тут зачем?

– А то не видишь. Твою свёклу, Семёныч, спасаю.

– Свёкла не моя, совхозная. А ты где быть должен сейчас?

– У меня обеденный перерыв.

– В одиннадцать утра?

– Значит, это второй завтрак.

Даша прыснула, едва сдерживая смех.

– Едрить твою раскудрить! Ну-ка шагом марш отсюда! Его в мастерских с запчастями ждут, а он на природе прохлаждается!

– Хочешь, тятку подарю, Семёныч? Прохладнёшься на природе пару часиков. А запчасти, хорошо, если к вечеру понадобятся. Костик Шалый – тот ещё слесарь.

– А это не твоего ума дело. Тебе наряд дали – выполняй.

– Мы тут не на плацу, бригадир. И не будь ты таким «исполнительным», девчонкам не надо было бы горбатиться на твоей свёкле, – кивнул Кирилл в сторону Даши, на лице которой только загар скрывал румянец неловкости.

– И чем это я виноват, по-твоему? – возмутился Семёныч.

– Позаботился бы вовремя, чтоб семена протравили, столько бы травы сейчас не пёрло. А если бы ещё культиватором прошлись, пока она не вымахала так, тебе и совсем не пришлось бы по дворам ходить да баб уговаривать на прополку.

– Ну ты и крапива, Кирюха!

– Ладно уж, пошли, Семёныч. Всё равно ведь не отстанешь, – он обернулся к Даше, виновато пожал плечами и зашагал к машине.

Бригадир догнал его и пошёл по соседней меже.

– А к девчонке этой... ты того, не приставай, в общем.

– О-па! С чего ты взял, что я пристаю?!

– Я не слепой, не видел что ли, как ты ей по ушам ездил? Бабёнок тебе мало? Ты это брось, я не шуткую. За неё заступиться некому, так ты имей в виду, если что, я самолично по шее тебе надаю, не погляжу, что здоровый такой. Да и ей я ещё скажу, что ты у нас за фрукт. А то тоже ведь, уши-то развесила. Скажу, чтоб гнала тебя подальше от себя.

– Теперь меня, Семёныч, послушай. Сунешься к Дарье с разговорами да советами – гляди тогда, береги свою задницу. Я это тебе тоже, на всём серьёзе говорю. А до того, что ты видел: свёклу я полोल, и больше ты ничего не видел и не мог видеть.

– Ишь, фрукт какой! – сердито насупился бригадир. – Никакого в тебе уважения. Тебе слово, ты десять в ответ...

Кирилл на это ничего не ответил, только глянул недовольно. А Семёнычу, видно, тоже, не с руки было продолжать разговор, потому что он как-то неправильно пошёл – хотелось взять-таки верх над пацаном, а он и точно, чисто крапива, где ни тронешь, там и жжёт.

...Уже опустились лёгкие сумерки, когда Даша вместе с подружками подошла к кинотеатру. У входа, неподалёку от двери, стоял Кирилл и курил. Сердце, как всегда, ёкнуло при виде его, она испугалась: вот сейчас подойдёт при всех и скажет: «Я билеты уже купил».

На поле он правду сказал – Даша его боялась и злилась на себя за этот страх. Ведь будь сейчас на месте Кира любой из одноклассников, а хоть и парень постарше, и в голову не пришло бы бояться, уж нашла бы что сказать, а то бы ещё и высмеяла. Но Кирилл... в его присутствии она становилась маленькой, неловкой, не шибко умной. Нужные слова не шли на ум, кровь прилиwała к лицу, и от этого всего становилось так стыдно, хоть провались на месте... Ну что ему надо от неё?

– Привет, Кира! – защебетали девчонки, проходя мимо него.

Он приветливо махнул рукой. Даша чуть улыбнулась, и увидела в близких глазах отражение свой улыбки.

За полтора с лишним часа, пока длился фильм, вечерние сумерки превратились в ночь, и село затихло. Потом сонно зашелестел тёплый дождик.

Оживлённая толпа вывалилась из дверей и разрушила тишину многоголосым говором и смехом. Кое-где запрыгали электрические лучи фонариков, распластались по земле. Закраснели огоньки папиросок. Но дождик, хоть и тихий, не располагал медлить – толпа рассыпалась и таяла.

Они уже отошли от кинотеатра, когда из темноты навстречу девичьей стайке шагнул Кирилл.

– Даша, а я тебя жду.

Переглянувшись, девчонки как-то очень быстро исчезли, и, застигнутая врасплох, волей-неволей Даша осталась перед Кириллом одна.

– Пошли? – позвал он.

Несколько минут они шли молча, потом он спросил неловко:

– Сердишься, что подошёл?

Даша глянула на него сбоку и насмешливо сказала:

– Не очень.

Кирилл повеселел, широко улыбнулся.

Дождь вдруг припустил ни с того ни с сего.

– Ой! Вот мы сейчас промокнем! – ойкнула Даша.

– Бежим! – Кирилл схватил её за руку и потянул за собой в сторону от дороги.

– Где это мы? – Даша не могла разобрать, куда привёл её Кирилл.

– В столярной мастерской, – Кирилл кивнул в сторону дома, чья крыша темнела за дворовыми пристройками. – Тут Михалыч живёт, а он с деревяшками повозиться любит, ну и сделал себе для удовольствия этот закуток за сараями. Верстак вон поставил, навес сделал от дождя и снега.

– А он не заругается?

– Да за что нас ругать? Что от дождя спрятались?

Глаза привыкали к темноте, и Даша разглядела верстак, что лепился к стене сарая. Пахло дождём, свежими стружками и опилками.

Она провела ладонями по плечам, стряхивая дождевые капли.

– Даша. Иди сюда, – позвал Кирилл. – Садись.

Широкие ладони его неожиданно обхватили её талию, и Кирилл легко, как ребёнка, поднял её, усадил на верстак. Даша почувствовала под рукой не шершавую доску, а тёплую фланель.

– Это ты где взял?

– Да у Михалыча тут на гвоздике всегда какая-нибудь одежда про запас висит. Это, наверно, рубаха старая.

Даша невольно подумала, как легко Кирилл ориентируется в этом укромном местечке – темно ведь, не видать ничего, а он как у себя дома... Кир будто почувствовал:

– Он нам недавно рамы парниковые чинил. Ну и я помогал ему. Пару дней тут с ним вместе строгаи, пилили. Поэтому мне его мастерская хорошо знакома. А то... подумаешь, чего не надо.

Даше стало неловко, она смущённо отвела глаза. Кирилл усмехнулся:

– Представляю, какой я... красавчик в твоих мыслях. В деревне наставников вдоволь.

Даша пожала плечами:

– Знаешь... я не люблю наставников, которые про чужую жизнь всё понимают и учат, как правильно жить надо. Пусть каждый в своей жизни разбирается. Да и что я тебе – указ? Ты вон какой... и жизнь у тебя своя... взрослая.

– Взрослая? Хм-м... – Кирилл вдруг рассмеялся.

– Ты чего?

– Ты так сказала сейчас. Ладно, хоть дяденькой не называешь. И спасибо, что выкать перестала.

Даша чуть улыбнулась, но подумала, что в самом деле ощущает между собой и Кириллом огромную разницу. Как между ребёнком и взрослым. Ну, а как иначе? Вон какой он... У неё всех забот – за партой сидеть, да уроки добросовестно сделать. А он работает, в доме главный, так как же не взрослый? С машиной вон как ловко управляет, и мысли у него, суждения обо всём собственные, без оглядки на авторитеты.

– Кирилл, а почему ты сегодня так с Виктором Семёновичем разговаривал?

– Как? – удивился Кир.

– Ну-у... он бригадир. Ему положено за порядком смотреть. А ты ведь, и правда, не должен был на свекольном поле быть. Разве он не имел права замечание тебе сделать?

– Порядок ихний весь на том поле виден, про это я и сказал Семёнычу. А во-вторых, для тебя он Виктор Семёнович, а для меня... Они соседи наши, через три дома живём. А Семёныч выпить не промах, ну, как все. Только куражливый он, как подопьёт. Жена у него маленькая, худенькая, он хоть и сам ровно обмылок, а всё ж бабе управиться с пьяным мужиком не под силу. Ну, вот, один раз я и встретил их в такой беде: она ругает, домой его тянет, а он выкобенивается посреди дороги. Жалко мне её стало, я Семёныча через плечо перекинул да унёс домой. Так с тех пор чуть что – она за мной бежит. То из гостей его увести, то из сугроба вытащить, где он подремать собрался, то ещё чего... Я его не то, чтоб осуждаю или что, – ну

дурь такая у мужика, так-то он безобидный. А всё же и уважения особого к нему не питаю. А уж то, что он хозяина рачительного изображать взялся перед тобой – так я ему не нанимался по стойке смирно вставать.

– Ну вот, а смеёшься, что я говорю – у тебя взрослая жизнь. Ты с любым на равных, а я, как маленькая, снизу вверх смотрю.

Кирилл улыбнулся:

– Детство быстро кончается. Повзрослеешь ещё, куда торопиться?

Глава 3. Алла Елецкая

Конечно, событие это, вроде бы тихое, касающееся только двоих, не могло пройти незамеченным и живо стало достоянием всего села. Уж очень Кирюха особенным был, всегда на виду.

Им на селе гордились – в каком ещё есть такой! Особенно, в те дни, когда случались какие праздники общие – ну, там, День молодёжи, к примеру, – и съезжался народ со всех окрестных сёл. Тогда на большущей поляне у окраины раскидывали торговые палатки, для детей качели-карусели устраивали, народ, глядя конные скачки верхами или гонки в лёгких упряжках, азартно болел за своих. Развлекался народ тоже и другими соревнованиями, вот только в силовых состязаниях результат был всем известен заранее. А всё же, поглядеть на них народу густо собиралось – шли на Кирилла посмотреть. Потому как красивый он был человек, редкостно красивый, а уж когда тяжестями неподъёмными баловался, и играли его мускулы – мужики-то любовались, а для женского сердца это зрелище было вовсе погибельно.

Потому новость, что Кир себе новую подружку завёл, взволновала многих.

Девчонки, одноклассницы Дашины, с кем прошлой ночью она из Дома Культуры вышла, и кто случайно оказался свидетелем такого события, прям именинницами себя чувствовали – а как же, на весь день попали в центр внимания. Вроде и рассказывать-то больно не об чём было, а разговоров-то, разговоров! Жужжали, что пчёлы в улье.

Всяк по-своему судил, со всех сторон обмусолили. А всё ж больше на том сходились, что не пара они. Кто говорил, мол, что Даша девчонка хорошая, ничего не скажешь, и умница, и скромница. Да только такая ли Кирюхе нужна? Нет, не гожа она для Кирки. На что ему малолетка нецелованная? Он вниманием женским избалован, по всем статьям мужик, ох, не надо бы ему с девчонкой-школяркой связываться, как бы чего не вышло. Об чём он, интересно, думает, когда на селе почитай любая молодка рада ему глазки зазывно построить, а он на Дашку глаз положил.

Оно ведь даже по размерам взять – на селе не сыщешь более неподходящих друг другу парня и девку. Кирилл – что дубок молодой, в силу входящий: плотный, литой, высокий. А Дарёнка что против него? Былинка хрупкая, всем ветрам покорная. Его лапищами, да такую обнимать?

Алка, поблескивая красивыми своими, в пушистых ресницах, с коровьей поволокой глазами, говорила, морща носик:

– Ой, не смешите меня! Это у Кирки так, баловство. Спортивный интерес. Спорим, через неделю Дашка будет локти кусать, да уж поздно. Да где это видано, чтоб всякая приезжая лучших парней себе сманивала. Кто ей даст? Нет, вы только поглядите, какие нынче тихони пошли! Что она себе, интересно, вообразила? Ну, умора!

А всё же раздражения своего спрятать не могла, видно было, что шибко не по вкусу пришлась ей такая новость.

Аллочка была дурой. Ну как есть, живая иллюстрация к народной мудрости про то, что, мол, красота и ум – вещи несовместимые. Нет, правило не без исключения, кто спорит, но только прокурорская дочка и рядом с тем исключением не стояла.

Сколько себя помнит, она слышала слова восхищения. Знакомые и незнакомые люди при взгляде на неё не могли удержаться, чтобы не воскликнуть: «Какой очаровательный ребёнок! Ангел!» В ней всё было прелестно: большие глаза в обрамлении густящих ресниц, пухлые губки, ямочки на тугих щёчках, золотые пушистые кудряшки.

А когда прелестная малышка пошла в школу, выяснилось, что к учёбе у неё ни способности, ни желания, ни даже мало-мальского прилежания нет. К тому же, она искренне не понимала, отчего соседка по парте льёт слёзы над тетрадкой. Аллочка в любых обстоятельствах

оставалась безмятежно спокойной. Никакой двойке не под силу было вывести её из душевного равновесия, а уж тем более, почувствовать хоть малейшую вину за плохую оценку. Фи-и-и, глупости ещё какие! Разницы-то: двойка, пятёрка. Хорошо уже то, что она вообще сидит на этих дурацких уроках, пишет эти дурацкие диктанты.

Когда от неё пытались добиться устного ответа, она несла такую чушь! Учителя с закрытыми глазами ставили тройки, а в учительской пересказывали её ответы, как очередной анекдот.

– Елецкая мне сегодня такие вещи поведала, – говорила историчка. – Про сражение под Москвой она сообщила, что немцев там окружили и погнали в Германию.

– Ну и радуйтесь, что не в Китай, – философски изрекал военрук.

В девятом классе Аллочка едва не сорвала школьный спектакль, которым открывался вечер в честь Дня Победы. Режиссёром был учитель литературы. Он был молод, пришёл в школу после института, и, разумеется, не собирался долго здесь задерживаться. Да он и не задержался, но тот год всё же отработал. От скуки придумывал всякие затеи, сам увлекался, загорался энтузиазмом. Аллочка строила ему глазки, кокетничала, охмуряла – не для чего-нибудь, а больше так, для практики. Из соображений охмурения, она даже выучила небольшой стих и должна была читать его перед началом спектакля. По идее режиссёра, на последних словах стихотворения должен был опуститься задник с нарисованной декорацией, переключая внимание с чтицы на сценическое действие. Всё так и получилось, но Аллочке очень не понравилось, что в момент, когда она имела полное право сорвать овации и уже собиралась насладиться славой, зрители начали смотреть куда-то мимо неё.

За кулисами она подошла к учителю и категорично высказала ему своё недовольство:

– Анатолий Павлович, вот вы спустили, а я ещё не кончила!

До педагога не враз дошла двусмысленность фразы, но старшекласники, стоявшие тут же в ожидании своего выхода, были детьми современными. Кто-то зажал рот руками, кто-то сорвался с места, и уже в коридоре вслед за топотом ног грохнул хохот. Учитель побагровел – то ли от неловкости, то ли от усилия удержаться от смеха. Впрочем, ему уж и не до смеха было, поскольку актёры его были полностью деморализованы и сбиты с настроения.

Спектакль начался, но зрители заметили, что с актёрами происходит неладное: выражение лиц никак не желало совпадать со словами, призванными выразить высокую гражданственность и драматизм.

Впрочем, когда Галине Георгиевне Елецкой говорили: «Ах, какая у вас дочка!», было в этих словах желание польстить, оттенок зависти явственно слышался, но чего не было, так это неискренности. Говорили: «Красавица редкостная!» И никто не держал при этом на уме, что, мол, она у вас и дура тоже редкостная. Дневник школьный не блещет пятёрками? Так толку-то от тех пятёрок? Поглядеть на бывших отличниц – много ли им с того счастья припало? Ну выучились, корпя на скучными книжками, ну получили свои распрекрасные дипломы, а что-то не больно спрос на таких Василис Премудрых. Любой начальник, глядя в её диплом, не на отличные отметки любуется, а думает: «Ну возьму я тебя, разумницу. А ты через год-полгода в декрет убежишь, и много мне прибыли с твоего ума? Да лучше я на это место парнишку без красного диплома приму. Чего не знает – научим, зато с ним надёжнее будет».

Нет, ну в самом деле – на кой ляд девке ум? Ещё можно понять какую-нибудь дурнушку в очёчках, которая боится, что замуж никто не возьмёт. И то, уж какой квазимодой для этого надо быть! А нормальной девке всего один ВУЗ и нужен: Выйти-Удачно-Замуж. И уж в этом ВУЗе Аллочка, будьте уверены, окажется непревзойдённой.

Галина относительно дочкиного ума не заблуждалась. Сама имела его в достатке и знала, что ум – не гарантия счастья. Взять её – сделала карьеру, имеет власть, материальное благополучие, но бабье счастье... где оно? Впрочем, сама виновата, что супруг так скоро перестал быть главой семьи. Может, где и хотел бы впоперёк сказать, дак разучился – всю жизнь на вто-

рых ролях при властной и сильной жене. Ему давно уже легче соглашаться с любым словом супруги, потому как знает – всё равно по её выйдет.

Нет, у Аллочки будет иначе, об этом мама позаботится. Она знает, каким капиталом обладает её девочка, и поможет вложить его столь выгодно, чтоб обеспечить на всю жизнь. Ведь что всегда было главным украшением мужчин её круга? Красивая женщина. И не просто украшением, а мерой его успеха, способом самоутверждения. Красота – эквивалент роскоши, вальяжности, благополучия. И если роскошью блистать не пристало, ибо чревато, то красоту прятать не надо. Красота женщины делает мужчину.

Тут Аллочка подходит самым распрекрасным образом: чтобы отношения между мужчиной и женщиной были идеальны, женщине категорически противопоказан ум. Рядом с Аллочкой мужчина не будет комплексовать, опасаясь, что он ей не соответствует. Ведь сильная женщина рядом – это потенциальный конкурент. Супруг Галины Георгиевны, к примеру, конкуренции не выдержал, сдулся. Деревня. Аллочкин мужчина не здесь.

Галина Георгиевна – дама в районе значительная, из верхнего эшелона, и не только на местном уровне. Она и в области свой человек, и в столице её знают, частенько приходится там бывать. Так что ей есть куда дочь вывести, продемонстрировать своё сокровище. Уж, конечно, не в здешний «свет» она собирается выводить девочку. Районный центр, а деревня деревней, тьфу! Хватит и того, что она, Галина Елецкая лучшие годы жизни тут угробила.

Галина Георгиевна, с её умом, хваткой и целеустремлённостью была уверена, что всё именно так и будет, и Аллочке назначено стать птицей высокого полёта.

Глава 4. Костик Шалый

Пересуды об Кирилле и Даше закончились так резко, будто их обрезало. Не сами по себе, конечно.

Во дворе автобазы, где работал Кирилл, собирался народ, как всегда будничным утром, когда вот-вот должен был начаться рабочий день. Начальство, бухгалтерша, бригадиры проходили в контору, а рабочие останавливались переброситься словом, выкурить папиросу, перед тем как сесть за баранку. В стороне собирались женщины-полеводы – их должны были увезти на полевой стан. Ну, то есть, ничем это утро не отличалось от прочих, когда лето, солнце и начало погожего дня.

До тех пор, пока не подошёл слесарь Костя по прозвищу Шалый – известный лентяй и балаболка. Перездоровавшись со всеми, он попросил закурить, и Кирилл протянул ему пачку. Костик вытянул из неё папироску, и тут, явно некстати, ему взбрело в голову побалагурить.

– Кир, я вас видел вчера вечером!

– Ну и?

– Да вот думаю, надо мне тоже какую-нибудь маленькую завести. Её и уговаривать не надо – взял в охапку и клади под любой куст, – заржал Костик.

Он и понять ничего не успел, как оказался намертво зажат где-то под мышкой у Кирилла. Руки прижаты к бокам так, что рёбра затрещали. Абсолютно обездвиженный, Костик мог только взывать к разуму Кира.

– Эй, пусти! Чего ты! Раздавишь же, медведь!

Кирилл будто и не слышал голоса, верещавшего у него за спиной. Он дёрнул замок-молнию на ширинке Костиковых штанов и стащил их до колен вместе с трусами.

– Да ты сдурел что ли?! – не на шутку забеспокоился Шалый. – Эй, мужики! Да помогите же!

Но помогать никто не торопился – мужики были ошарашены и только глядели с изумлением. К тому же Кир пробормотал:

– Не надо, сам справлюсь.

Подхватил Костика, прошёл несколько шагов до забора и там отпустил – голой задницей в густые заросли дикой крапивы.

Костик заорал благим матом и вскочил как ошпаренный. Двор взорвался хохотом.

– Ну, Кир... Ну ты придурок! – чуть не со слезами причитал Шалый, спешно приводя себя в порядок. – Я же пошутил!

Кирилл отвернулся от него и, глядя на мужиков, сказал:

– Если узнаю про кого, что об нас с Дашей шутит – голову сверну.

Несмотря на веселье, слова Кирилла прекрасно расслышали. И смех как-то потерял характер дарового развлечения. Над Шалым ещё посмеивались, но уже кто-то кашлянул смущённо, кто-то, глядя на Костика, с осуждением покачал головой, кто-то хлопнул по спине:

– Брось, Кир. Костик-то известный мудрец.

Впечатление же у зрителей осталось неизгладимое и такое большое, что просто распирало каждого изнутри. То есть было совершенно необходимо поделиться им с кем-то ещё. Как бы то ни было, а с тех пор прекратили вить сплетни вокруг Даши и Кирилла.

Глава 5. Размолвка с матерью

Людские пересуды, они похожи на стихийное бедствие – приходят, никого не спрашивая, оставляют за собой разрушения большие и малые; если от них и не обрушиваются дома, то в сердцах человеческих, порой, не меньшие потрясения происходят. Кто был втянут в подобный катаклизм, тот знает. И, подобно оку тайфуна, точно так же внутри сплетен и злословия нередко образуется зона мнимого покоя – люди, невольные герои молвы, могут очень долго даже и не подозревать о том, как все знакомые и незнакомые на сотни ладов перемывают им косточки.

В таком «оке тайфуна» некоторое время пребывала портниха Мария, чьи золотые руки деревенские бабы оценили очень быстро. Уже после истории с Костиком Шалым она узнала новость, о которой успело посудачить всё село, и до Марии докатилась в последнюю очередь.

Сообщила ей об этом одна из клиенток, явившись за своим заказом. После последней примерки остался суший пустяк – пуговицы пришить, только что принесённые заказчицей. Мастерница пустячную работу доделывала да развлекала гостью разговорами. Та и спроси:

– Что, много ли несут шить?

– Работы хватает, только поворачивайся. Да где бы времени ещё хоть маленько бы взять. И так, хоть спать не ложись. Вон три отреза ещё не тронутые лежат: два платья и юбка.

– У тебя, Мария, вон какая помощница в доме! Как ни увижу: то в огороде копается, то воду с колодца несёт, то в магазине встретишь – хозяйка да и только.

– Это правда, Дашуня у меня умница, вся моя радость в жизни.

– А уж приветливая, уважительная, всегда поздороваётся, всегда с улыбкой, встретишь – аж на душе радостно. А что работы много, это хорошо, тебе сейчас, Мария, никакая копейка не лишняя.

– Ну, копейки-то лишней у нас нет и не было никогда, – засмеялась портниха.

– Да оно и у всех так, а только тебе теперь приданное для дочки готовить пора.

– Ой, – отмахнулась портниха, – до приданного нам ещё далеко.

– Ну не скажи! Тут зарекаться не надо, когда невеста в доме. Да ещё когда такой кавалер обхаживает. Глазом не моргнёшь, как они это дело мигом порешат.

– Какой ещё кавалер? – нахмурилась мать.

– Да будто не знаешь, – недоверчиво махнула на неё рукой заказчица. – Завидный кавалер, не какой-нибудь завалышинский. Кирюха, правда, балованный маленько, так это бабы же сами и виноваты. Но он парень добрый, не обидит. Наоборот, ты погляди, как за Дашутку стоит, прям стеной каменной. Уж я так смеялась над Костькой! Поделом ему, дуrolому, – и, видя, что Мария слышит об этом впервые, с радостью и красочно описала происшествие на автобазовском дворе.

Заказчица ушла, довольная обновой, не подозревая, какую бурю посеяла в сердце Марии.

Отношения матери и дочери нельзя было назвать особо доверительными. Не то, чтобы Даша преднамеренно что-то скрывала от мамы, ей и скрывать было нечего, просто по характеру она была такая: то ли сильно самостоятельная, то ли не любила попусту языком молоть, но никогда у них не случалось разговоров типа: «Ой, мама, у нас в классе такой мальчик, такой мальчик!» Если мама спрашивала – Даша охотно рассказывала ей об учителях и одноклассниках, но случалось такое нечасто. Может, мать и сама немножко виновата была – вечно занята, то на работе, то дома за машинкой. Дочка вот, на глазах: здоровенькая, веселенькая – что ещё надо?

Но оказалось, дочка-то молчала, молчала да и, не сказавшись, выросла. И ухажера себе завела, тихоня. Да кого! Никого другого, как Кирюху, которого бабы уже по всем кры-

мам-рымам провели! А теперь он Дарёнку приглядел! Теперь из-за него её имя на каждом углу склоняют! И она ни слова ни полслова матери! Да в кого она такая скрытница уродилась?!

Такое внезапное прозрение оказалось для Марии очень неприятным и даже болезненным. Об Кирилле, она, конечно, уже слышала немало, сама же и расспрашивала баб, повстречав его как-то на улице, – не заметить такого богатыря было нельзя. Рассказы о нём не шибко её затронули – ну, поулыбалась, покачала головой, да и всё. Что ей чужая жизнь? У парня своя мать есть, пусть её заботит. При случайной встрече с Киром скорее любовалась им, чем вспоминала слышанные рассказы. И вдруг оказалось, что всё это имеет столь близкое отношение к её Даше!

Чем больше Мария думала об том, на что открыли ей глаза, тем больше негодовала.

Даши дома в этот час не было, сказала, что побежала к подружке, да и исчезла. А у Марии уж каких только мыслей не завелось в рассерженном уме: да к подружке ли? да не на свидание ли с этим... Кириллом? Да неужто её Дашутка может так обдуманно от матери таиться? И уже никакая работа в руки не идёт, а, наоборот, из рук всё валится, нитки путаются, как будто сроду иголку в руках не держала. И уже не сидится Марии на месте. На крыльцо вышла, веником два раза махнула – вроде как не без дела вышла. К калитке подошла, поглядела в один край улицы, в другой... да хоть бы Дарья скорее вернулась, хоть встречу ей беги... А, вот! Хлеба купить не помешает, меньше трети булки лежит в хлебнице, всё равно завтра покупать придётся.

Скинула Мария передник, и за калитку. Зачем, если по правде сказать, она и сама не знала – ну немоготу дома одной быть, извелась вся.

Час вечерний был, люди с работы пришли. По летнему времени в доме делать-то особо нечего, а вот во дворах, в огородах забот хватает. Детей тоже до самых потёмков в дом не загонишь. В общем, шумно, людно. Мария только успевает на приветы отвечать, да ведь теперь за каждым взглядом, за каждым словом, за каждой улыбкой чудится ей любопытство да намёк, как по угольям горячим вдоль улицы идёт. Уже и не рада, что из дому вышла. Сроду ничего такого не испытывала, а ведь бывало, и об ней судачили, да тогда не так было, тогда она умела отряхнуть это с себя, и осыпались пересуды как сухая грязь, не приставали. А вот когда дочки касаются – это совсем по-другому.

Тут, на счастье, попался ей на глаза узенький проулок. Вёл он за огороды, по нему ребятня к речке бегала купаться, бабы бельё полоскать ходили. Но сейчас, вечером, был он тих и безлюден. К магазину он, понятное дело, не вёл, да Марии этот магазин и не шибко-то нужен был, а вот душевное равновесие она окончательно утратила, аж самой такая злобность противна стала – незлобивым человеком Мария была, наоборот, знали её мягкой и спокойной.

Свернула Мария в проулок, чтобы в безлюдье и тишине успокоить сердце. И надо же было тому случиться, что навстречу ей вышел не кто иной, как виновник её раздражения. Кирилл всегда после работы ходил на речку ополоснуться. Оно ведь самое милое дело – после жаркого трудового дня окунуться в ласковую речную воду, смыть с себя пыль и пот и будто заново на свет народиться. Вот в ту минуту и встретились они в узком проулке: Кирилл с мокрой головой, с майкой в руках – дом его в первой улице от речки, то есть в двух шагах, можно сказать, и Мария, полная негодования, с одной только мыслью: «А вот он, голубчик! Ну, погоди у меня!»

– Здравствуйте, тётъ Мария! – разулыбался ей навстречу Кирилл.

– Здравствуй-здравствуй. Подожди-ка, у меня к тебе пара слов есть, – не по-доброму начала Мария и порадовалась, как удачно они встретились – тропинка с обеих сторон кустами закрыта, так что никому их не видно и не слышно, только бы не принесла кого нелёгкая!

– Случилось что, тётъ Мария?

– А то нет! Скажи-ка мне, орёл, правда ли что ты за Дарьей увиваешься, прохода ей не даёшь?

Ушла улыбка с губ Кирилла, в глазах прищур появился. Помедлив, проговорил:

– Ну... получается, так.

– Тогда послушай, что скажу тебе – впредь и близко чтоб к ней не подходил! Хорошо меня понял?

– Что ж вы так-то?..

– Я тебе сказала! Кобелируй в другом месте, а Дарью за пять вёрст обходи! Вот и весь тебе мой сказ!

– Погодите тогда. У меня-то не всё, – помолчал, в землю глядя, потом перевёл взгляд на Марию. – Что ж вы сразу на дурное думать? Разве можно так про Дашу? Тётъ Мария, я вам только одно пообещать могу... если я когда-нибудь её обижу, я приду к вам и голову на порог положу. И какая воля ваша будет, то со мной и делайте. Только не будет такого никогда. А Даша... не ругайте её за меня, я очень прошу вас. У неё же и близко ничего в голове нет, на что вы думаете.

– Ох, Кирилл... оставь ты её! Мне твоих никаких обещаний не надо, я тебя по-хорошему, как мать прошу – оставь. Ну зачем она тебе?

– Ни зачем. Радостно мне с ней. Светлый она человек, душа около неё греется.

– Ох, гляди, парень... я тебя предупредила. Дашку я тебе в обиду не дам! Не хочешь по-хорошему, по-плохому будет.

Повернулась Мария и прочь по узкой дорожке меж заборами пошла. А Кирилл остался стоять, глядя ей вслед.

Когда Мария вернулась, Даша уж была дома.

– А я тебя потеряла, мам! Давай ужинать? Я чего-то проголодалась!

– Давай, – согласилась Мария и поняла, что не знает, как высказать дочке то, что кипело у неё на душе.

Даша между тем поставила на плитку сковороду с жареной картошкой, а пока она подогревалась, сноровисто накрывала на стол: порезала хлеб, принесла банку с молоком, достала кружки, вилки...

– Устала, мама? – спросила она, раз и другой глянув на мать. – Или голова болит?

– Да у меня от другого голова болит. Даша, я сегодня чего узнала-то... Говорят, ты с этим... с Кириллом, что ли?

Мария смотрела на дочку, ожидая, что та смутится, покраснеет, но Даша улыбнулась открыто, и лицо её просветлело.

– Мама, он тебе обязательно понравится, он такой хороший! Рассуждает обо всём – такой взрослый!

– Да в том-то и дело, Даша! Он и есть взрослый, мужик совсем... Все разговоры его – только голову тебе заморочить!

– Мама, – Даша чуть свела брови, – ты ведь Кирилла не знаешь.

– И знать не хочу. Ты должна перестать с ним встречаться.

Даша растерянно улыбнулась.

– Мама! Ты ведь никогда мне друзей не выбирала.

– Потому что не было такого... Кирилла! Даша, пообещай мне, что прекратишь всякие отношения с ним.

– Как я могу это пообещать? Я не понимаю... Как ты можешь так говорить?

– Дарья, я требую...

– Да нет же, мама! Я не могу ничего такого обещать! Кирилл ждёт меня... Разве сама ты поступила бы так, как требуешь сейчас от меня?!

– Ты не пойдёшь к нему.

– Но я не могу, мама! Кирилл будет ждать!

– Ничего, подождёт и уйдёт. Так надо, Даша. Ты поймёшь меня потом.

Даша замотала головой, собираясь возразить, но мать перебила:

– Даша, я не хочу это обсуждать. Я просто запрещаю тебе с ним встречаться. Ты понимаешь?

Помолчав, дочь медленно проговорила:

– Это нехорошо... не честно. Так нельзя.

– Всё. Хватит о нём. Садись есть.

Даша осталась дома. Она не старалась демонстрировать матери, как разобижена на неё, не дула губы, не психовала и не ушла в глухую молчанку. Наоборот, она стала тихой и послушной, молча убрала со стола, помыла посуду.

– Что сегодня по телевизору, Даш?

Дочка взяла газету с программой.

– Фильм начинается. Включить?

– А ты не хочешь смотреть?

– Я лучше почитаю.

Котёнок забрался к ней на колени, и Даша тихонько гладила его, пока он не уснул, свернувшись уютным калачиком.

Мария, как обычно, сидела с работой и время от времени посматривала на дочку. Такая размолвка случилась у них впервые. Даша была замечательной дочерью, у Марии просто не было повода не то что бранить её, а даже быть недовольной чем-либо. И теперь матери было сильно не по себе. Без Дашиной улыбки, без весёлого звоночка-колокольчика в хате стало сумрачно и сиротливо.

«Вот ведь свалился на наши головы! – в сердцах думала Мария. – Ну ты погляди, что творится! Будто я из неё душу вынула! Вот задурил девке голову. Ох, дочуня-дочуня, ничего-то ты ещё не понимаешь. Все тебе хорошие да добрые. И что, должна я молча глядеть, ждать, как ты крылышки свои опалишь?»

И щемило у матери сердце от жалости и чувства непонятной вины, когда смотрела она на поникшие, покорные плечики; видела, как вздрогнули они и застыли, когда за окошком вдруг что-то коротко стукнуло. А листы в своей книжке переворачивать дочка забыла.

Утром было всё как всегда. Почти как всегда. Вместе попили чаю, потом Мария на работу пошла. С тяжёлым сердцем – в доме как будто кто болен. И такая тоска на душе весь день была, испереживалась – как там Дашенька? И ведь знала Мария, просто уверена была, что сделала всё правильно, ну кто кроме неё за дочку встанет? А Дашунька в такую пору входит, что только гляди, глаз да глаз нужен, чтоб не обидел кто. Дашуня... она такая доверчивая, открытая, думает, что и все на свете такие-то. А ну как в эту открытость и доверчивость влезут с грязными кирзовыми сапогами. Нет, всё правильно сделано. Только отчего так на душе пакостно, будто безвинно обидела дочку, и болит об том душа, болит... Но, может, Мария переживала бы ещё больше, если бы узнала, что и след её ещё не простыл, как ушла она на работу, а перед их домишком остановился грузовик Кирилла.

– Дашуня, – с порога начал он, пригибаясь в дверном проёме, – прости меня подлеца!

Она прибирала стол после завтрака и обернулась, не понимая, о чём он? Если о размолвке с мамой, так как он мог узнать?

– Ну проспал я! Хочешь казни – хочешь милуй. Чего-то устал вчера, прилёг на полчаса, а проснулся, на часы глянул – мама моя! Побежал на наше место, да ты ушла уже, понятное дело. Не сердись, маленький мой, ладно?

Даша машинально кивнула, изумлённая ещё больше – она-то изводилась от мыслей, что Кирилл ждал её напрасно, а она не пришла, теперь объяснять придётся – что да почему...

– Я тебя сейчас рассмешу, чтоб ты совсем-совсем уже на меня не сердилась! Сейчас по радио такую смешную историю услышал, – не давая Даше и рта раскрыть, весело говорил Кир.

И уже когда он исчез, помахав ей на прощанье: «До вечера, Дашунь!», она поняла, что так и не сказала ему ни слова, совсем ни слова. Но теперь, как повидала она Кирилла, на душе стало полегче. А вечером... Неужели мама не поймёт, что требует невозможного?

Вечером же произошло вот что. Время подходило часам к восьми. Ни Мария, ни тем более Даша, к вчерашнему разговору не возвращались. Хотя у обеих мысли об одном только и были. Даша за день извелась, устала от внутреннего монолога: весь день она «говорила» с мамой, находила самые убедительные слова, неотразимые аргументы. Но вот подходило время сказать их вслух, и Даша не могла. Она потеряла в себе что-то главное, может быть, это было ощущение единомыслия с мамой, уверенность, что самый близкий человек тебя поймёт, как ты саму себя, а может, и лучше... В горнице висела тишина, в которой всё сильнее натягивалось нечто недоброе, когда в сенцах стукнула дверь и в дверях появился виновник этого напряжения.

– Вечер добрый! – как ни в чём не бывало, с улыбкой поприветствовал он хозяек.

Даша так просто обмерла, а Мария глядела молча, с недобрым выжиданием. Кирилл это не обескуражило.

– Тётъ Мария, отпустите Дашу погулять, – сказал он. – Вернёмся во сколько скажите.

– Ну ты наглец! – изумлённо проговорила Мария.

Кирилл коротко глянул на Дашу, и мать невольно посмотрела туда же – дочка стояла бледная, закусив губку, глядела в пол.

На лице дочки читалось такое страдание, что Мария невольно переменила избранный тон, и вообще, сказала не те слова, что уже готовы были сорваться с языка.

– Какое ещё гуляние?! Дома дел непочатый край – грядки не политы, картошка заросла! Никуда она не пойдёт!

Мария и не собиралась ничего такого говорить, лягнула, что первое в голову пришло, аж самой неловко стало: да что Дашенька, золушка какая что ли? Девчонка и так безотказная, полдома на ней.

Даша сорвалась с места и выбежала на улицу. Лицо у Кирилла сделалось совсем другим, улыбки как не бывало, взгляд потяжелел.

– Что ж не жалеете вы её? Каково ей про меж двух огней?

– Так отвяжись от неё! – в сердцах воскликнула Мария.

– Не отвяжусь. Только Дашу всё равно обижать не дам. Вот со мной вы делайте что хотите. Ругайте, даже поколотить можете. Но ей-то... пополам разорваться что ли? Она же любит вас, а вы её не жалеете. Да ещё хотите, чтоб и я добавил, – он покачал головой.

– Он мне тут выговаривать будет! Молод ещё разуму-то меня учить! – возмутилась Мария. – По какому праву ты со мной так разговариваешь?!

– Хоть бы по праву сильного, – усмехнулся Кирилл. – Когда слабого обижают, у сильного всегда есть право заступиться.

– Ну ты погляди на него! Всё шиворот-навыворот перевернул! Дарью от тебя защищать надо, а не от меня. От матери обиды никогда не будет.

– А вчера вы с ней что сделали? Она как спичка обугленная. Я её до полуночи ждал. Думал, вдруг улучит минуточку, да прибежит.

– Зря надеялся, – усмехнулась Мария.

– Да я не надеялся. Боялся. Думал – прилетит, а меня нету, ещё больше расстроится. Вы меня не выдавайте, я Даше сказал, что не приходил, проспал.

– Это когда ты успел сказать? – с подозрением проговорила Мария.

– Не важно, – наклонившись к окошку, выходящему на огород, сказал: – Ладно, поговорили. Пошёл я. Страсть как люблю картошку полоть! Есть ещё тляпка?

– Нету! – отрезала Мария.

– Ну, я у соседей возьму, – повернулся к выходу Кирилл.

– Да стой ты, баламут! Куда наладился? Ты всегда такой непонятливый? Не нужен ты здесь, чего не ясного? И помощь твоя не нужна!

– Оно и видно, что не нужна, – Кирилл покачал ногой ходившую ходуном половицу. – Пойду Дарью спасать. Она у вас прям будто падчерица, а не родная дочка.

К соседям ему идти не пришлось – сбоку от воротцев к пряслу были прислонены две тяпки. Выбрав, какая больше подходит к руке, Кирилл направился к Даше. Она, не поднимая головы, сосредоточенно долбила землю.

– Дашунь, а у меня тяпка и вправду скоро любимым инструментом будет! – с энтузиазмом объявил он.

Девушка не подняла головы, наоборот, вроде невзначай повернулась так, чтоб укрыть лицо.

– Ну-ка, покажи, что у нас тут творится? – Кирилл взял её за плечи и развернул к себе, пальцем приподнял подбородок. – У-у-у... вон тут чего! И кому ревём?

– Перестань...

– Да это ты перестань, глупенькая. Ну правда, Дашунь, не об чём уже, – он, как обиженному ребёнку, принялся вытирать ей слёзы.

– Кир... ты не сердись на неё...

– Я и не думал.

– Обманиваешь.

– Если хочешь знать, я твою маму давным-давно полюбил, как только узнал, что она классная портниха! Тёща-портниха, это же мечта, а не тёща!

– Да ну тебя! – сквозь слёзы рассмеялась Даша. И в это время взгляд её ушёл мимо Кирилла, лицо переменялось.

От Марии тоже не укрылась эта перемена, произошедшая, когда она вышла на крыльцо и поглядела в их сторону. Дашин смех оборвался, в глазах её появилась затравленность и испуг. Мать постояла несколько секунд, потом повернулась и ушла назад.

– Кир, – глядя ей вслед, сказала Даша. – А я вчера не приходила на речку.

– Правда не приходила?! – почему-то обрадовался Кирилл.

– Ага.

– Ну, слава Богу! А я-то испереживался весь, думал, ты на меня обидишься!

...Они как будто и не замечали, что дорога, по которой они теперь шли вдвоём, негладкая, что каменья под ноги катятся. Да что им каменья, когда они и самой дороги не чуяли, а на крыльях будто летали, и все препоны с такой лёгкостью одолевали, что втуне пропадало всё усердие их строителей.

Мария как-то в один из ближайших дней Кирилла мать встретила и не утерпела, ещё раз попыталась избавиться от неожиданной напасти. Зла против этой женщины она никакого не держала, ведь и против самого Кира она ничего дурного не имела бы, только оставил бы он Дашу в покое. Завидный парень, ничего не скажешь, да разве Дашеньке-то он пара? Ну почему не приглянулся ей какой-нибудь парнишка-одногодка? И надо же было этому к девчонке прилипнуть! Понятно, такому ухарю никакого труда не стоит завлечь несмышлёныша, уж он-то знает, как с женским полом надо обращаться, умеет... И на уши такой лапши навешает – только черпать успевай! Девчонке невдомёк, что все слова, которые он говорит, он, поди-ка, наизусть уж помнит, ему их не впервой повторять. Но она-то всё за чистое золото принимает...

– Татьяна, мне б с тобой словом перемолвиться, – заговорила Мария.

– Ну, зайдём давай к нам, чего среди улицы, – пригласила женщина, – мы вон живём, третий дом от краю.

– Я знаю... А дома кто есть? – заколебалась она.

– Да никого. Старая ушла бабушку Глушачиху попроведать, подружки они. А Кирилл до вечера на работе.

– Ты, Татьяна, на меня не обижайся, – без предисловий начала Мария, присаживаясь на предложенный хозяйкой табурет, – я хочу, чтоб ты поняла меня, мы с тобой обе матери, обе одиночки. И хочу я об наших детях поговорить. От тебя, поди, не секрет, что они встречаются.

– Да, я знаю.

– А я вот только недавно узнала. Как обухом по голове. Татьяна, я от тебя таиться не стану – не хочу я, чтоб Дарья с Кириллом встречалась.

– Вот как...

– Не обижайся, прошу тебя... Ты попробуй на моё место встать, как бы ты тогда на это поглядела? Не надо Даше, она ведь ребёнок, не понимает ничего, но мы-то с тобой бабы, жизнь повидали и знаем, как легко сладкое горьким оборачивается.

– А чего ты от меня хочешь, Мария? – тихо спросила хозяйка.

– Поговори с сыном. Пусть бы он оставил девочку, не морочил ей голову.

– Что ж... поговорю. Только не знаю, много ли проку будет. В семье я давно уже не глава, какое там! – Кира за старшего в доме. И не он у меня, а я иной раз и совета, и согласия его спрашиваю.

– Да материнское слово, поди, не пустой звук. Поговори, прошу тебя. Ты его лучше знаешь. Найдёшь нужные слова. А на меня обиды не держи – не за себя ведь, за дочку душа болит.

– Я понимаю тебя... А только Кирилл – добрый он... – женщина замолчала, не умея, или не желая выразить мысли словами. Заговорила опять: – Знаешь, как он меня жалеет... Мои слова тебе мало значат, ясно ведь – какая мать скажет что худое про своё дитё. Но ты зла от него не жди.

Поняла ли мать тревоги Марии, или обидны всё же показались её слова, кто знает, а только вечером она улучила удобную минуту и, как обещала, разговор об Даше завела.

– Кирюша, – Татьяна погладила сына по голове, – ты опять уходить наладился?

– Ага. А что? Нужно тебе чего-нибудь, мам?

– Да нет, ничего не нужно. Только мы с бабушкой совсем тебя не видим. Хоть вечер побыл бы с нами. Отдохнул бы чуток.

– Мам, – он виновато потёрся ухом о материну руку, лежащую на плече, – ну чего ты? Я и не устал нисколько.

– К Даше своей торопишься? – мать вздохнула.

– Да, – повернулся Кирилл к матери. – Что-то не так, а?

– Да не нравится мне это.

– Даша тебе не нравится?

– Ну что ты! Грех так про неё говорить.

– Тогда, выходит... я не нравлюсь?

– Кира...

– Погоди, мам, – он положил ладони ей на плечи, – я, кажись, понимаю, откуда этот ветер дует.

– Кирилл, в самом деле, оставь ты эту девочку!

– Мама, тётке Марии я чужой. Она наслушалась про меня всякого, вот и думает, что я весь тут как на ладошке, и видит она насквозь все мои желания и намерения. Но ты, выходит, тоже меня не знаешь?

– Кирюша, ну что ты говоришь! Ты – одна единственная мне в жизни радость. За все мои муки награда от Бога. Как же я не знаю тебя, сыночка мой!

– Так зачем такой разговор завела?

– Обещала Марии, вот и... – вздохнула мать.

– А что тётъ Мария... ругаться приходила?

– Да ну! Скажешь тоже – ругаться! Она по-хорошему, как мать к матери. Ей, видать, и неловко было говорить-то со мной, кабы она не переживала так за дочку.... Я её понимаю –

тоже ведь, кругом одна, не к кому прислониться, пожаловаться. У самой жизнь не сложилась, так хочет хоть дочку уберечь. Вот и бьётся, знает – кто кроме неё заступится.

– За Дашу есть кому заступиться. Пусть попробует обидеть, кому охота, – хмыкнул Кирилл.

– Сынок, а ты подумал об том, что она вот-вот школу закончит. Дальше что? Девочка она умненькая, ей дальше учиться надо – улетит и всё, не догонишь. Будет у неё другая жизнь, глядишь, познакомится там с кем...

– Я её никуда от себя не отпущу.

– Как это? Что-то ты не то говоришь, Кира.

– Разве её, такую, можно одну оставлять? Я тоже с ней поеду.

– Ещё не лучше! – ахнула Татьяна. – А мы-то как же?!

– Мама! Ты чего перепугалась? – рассмеялся Кирилл. – Куда я от вас денусь? Поеду с Дашей, там видно будет – может, работать буду, а лучше бы мне тоже поучиться где-нибудь. Но учёба – не тюрьма и не армия. Там и выходные, и каникулы – меня на всех хватит!

– Ишь ты! Какие мысли-то у тебя, оказывается, – удивлённо посмотрела на Кирилла мать. – Надо же!.. Что эта девчушка с тобой сделала? Меня ты и слушать не хотел, когда я про учёбу говорила.

– Тебе обидно?

– Да нет, чего тут обидного? – улыбнулась Татьяна. – Только я вот подумала, может, правда, и я тоже не знаю тебя?

Глава 6. Аллочка

Была на селе ещё одна радетьница, которая даже во сне мечтала, как бы Кира от Дашки отбить. Какие только клинья, чтоб меж них вбить, ни изобретала в усердных и долгих раздумьях своих. Но большинство идей, рождённых под ангельскими золотыми локонами, так и отлетали мутным облачком, таяли без следа. Однако, чем дальше, тем больше желала Аллочка видеть свои идеи воплощёнными в дело. Всё несноснее ей было убеждаться, что Кирилл проходит мимо неё с таким равнодушием, будто она – пустое место. Вот что было совсем уж непереносимо.

Аллочка с первых дней жизни привыкла и принимала как само собой разумеющееся положение вещей, что не может быть никаких препятствий между нею и тем, чего она желает. В доме разве что живой воды не было. Мать баловала, отец потакал во всём. А как же – для доченьки-то единственной, да чтоб жалеть чего-то... В достатке дитё росло, в холе, всегда нарядная, как куклёнок, – а пусть глядят да завидуют!..

Так всегда было, да и теперь ничего не переменялось. Мать с отцом вроде и не замечали, как превращается Аллонька в избалованную и капризную красавицу, которая не знает слова «нет» и «нельзя», если дело касается её прихотей.

Всё-всё делилось у Аллы на две части: в одну входили желаемые ею вещи, а в другую – недостойные Аллочкиного внимания. В первой части на равных (особой разницы Алла не видела) существовали, к примеру, новые серёжки, платье «как-на-той-актрисе» и очередная жертва Аллочкиного очарования, а, точнее, её спортивного интереса. Она всегда была абсолютно уверена в своей способности вскружить голову любому. Да что она – сколь раз с досадой, обидой убеждались в том же девчонки, от которых она на спор, смеха ради, уводила женихов. Ну, правда, Аллочка всегда чувствовала, с кем пройдёт этот номер, а с кем нет. Кое-кто мог бы и усмехнуться в ответ на Аллочкин прессинг. Но это нисколько Алла не огорчало – все эти олигофрены находились в той части, которая абсолютно её не волновала. Это не они её игнорировали, это она сама плевать на них хотела.

А вот Кирилл плохо вписывался в Аллочкино мироощущение и систему её ценностей. С одной стороны, он, безусловно, входил в сферу её интереса. Но с другой стороны – она не могла заполучить его как всё прочее, чего ей хотелось. Тогда бы надо брезгливо оттопырить губку: «Придурак! Олигофрен!» Она так и говорила себе после очередной неудачной попытки завладеть вниманием Кирилла. Но в этом случае волшебные слова не срабатывали – не возвращали Аллочке её безмятежного покоя.

Алла не упускала ни малейшего случая попасть Киру на глаза, заговорить с ним и немедленно пустить в ход арсенал своих стократно испытанных средств. Она использовала и лёгкое, и тяжёлое вооружение. Обычно она была с ним мила и весела, но это сначала. Вопреки надеждам, в глазах его не загорался ответный огонёк заинтересованности, а наоборот, как будто угадывалась лёгкая усмешка. Тогда внутри у Аллочки начинало закипать, чего она ни за что не желала показать Кирке, и была уверена, что ни об чём он не догадается. Откуда ей было знать, что улыбка её становится злой и натянутой, а слова шуточные превращаются в подковырки, и цель уже другую имеют: не для весёлости говорятся, а чтоб выбить Кира из равновесия.

Как-то, совсем уж выйдя из себя, она язвительно прошлась по Даше... и мечта её почти сбылась – с Кирилла сошло бесившее её выражение снисходительности. Аллочка с живейшим и почти радостным интересом глядела, как он вышел из машины (на этот раз Алла углядела его, когда он сидел в кабине и ждал напарника, на минутку заскочившего домой). Она так и не угадала намерений Кирилла, пока её нос не оказался больно зажат между указательным и средним пальцами Кира.

– Отпусти, дурак! – гундосо вскрикнула Аллочка.

– Запомни, пупсик, ещё раз сунешься куда не следует, будешь с роскошной сливой ходить.

– Придурок чёртов! – зажимая нос ладошкой, в ярости выкрикнула Алла.

Вот этого она не могла простить Кириллу. Во-первых, Аллочка не на шутку перепугалась, как бы нос и в самом деле не посинел, а во-вторых... обращаться так с нею! Ну, он ещё пожалеет, он ещё приползёт прощения просить!

Может, ярость внесла просветление в мозги Аллочки, но она вдруг поняла, кто стоит у неё на пути и из-за кого рушатся задуманные планы. Дашка! Удивительно, но прежде Алла как-то и всерьёз-то портнихину дочку не принимала: Ну да, ходит с ней Кирка. Но это же просто так. Неужто она Аллочке соперница? Смехота! Вот как только до дубоголового Кира дойдёт, что есть ведь Алла, и она вовсе не против, чтоб Кирка за ней приударил – да он же и не глянет после этого на ту замухрышку.

А тут, как психанула она всерьёз на Кирку, так и дошло внезапно, что с Дашкой всё не так просто. Вон как Кир за неё, прям вдыбки поднялся. Так вот кто главный Аллочкин враг! Вот против кого планы строить надо!

Стой минуты мысли Аллы потекли в ином направлении. Теперь только и думала Аллочка об том, как отвадить Дашку от Кира. Но, к сожалению, было в тех думах больше мечтаний, чем реальных планов. Представлялось Аллочке, как идёт она с Кириллом в ДК, к примеру. Кир, конечно, счастлив безмерно и глаз с неё не спускает. И рукой за плечи нежно обнимает он Аллочку. А Дарья, понятно, тут как тут, навстречу идёт, и глаза у неё делаются по полтиннику, и стоит она как громом поражённая. Они же проходят мимо, Кир глядит на неё с тем же интересом, как на придорожный столб, несколько не больше. Потом близко-близко наклоняется к Аллочке и говорит что-то смешное про Дашку, и они, проходя мимо, вдвоём хохочут ей в лицо.

Мечты эти очень развлекали Аллочку. Она так ясно рисовала подобные картины, что они как бы переходили в реальность, и порой Аллочка на несколько секунд даже терялась – что правда, а что фантазии? А, может, что-то уже сбылось? Ведь говорят же, если чего-то сильно-сильно хочешь, то оно обязательно сбудется.

Однако сбывание мечт лучше самой поторопить. Хорошо, зайдём-ка с другой стороны. Если Кирка будто в шорах и, кроме Дашеньки своей, ничего и никого не видит, так может Дашка поподатливей будет? Кирка – он избалованный бабским вниманием, привык, потому и оказался такой огнеупорный. Взять вот её, Аллочку, для сравнения. Начни ей сейчас навязываться какой-нибудь парнишка, так что, заторопится она ответные знаки внимания оказывать? Как бы не так! С какой такой радости? Вот то же самое и Кирка, тут они схожи, два сапога. Совсем не то Дашка. Обычная девчонка, не принцесса. Её излишним вниманием не баловали, потому для неё любой поклонник желанный, для самоутверждения. Хоть бы и в собственных только глазах. И Кирка не помеха. До поры до времени. А дальше всё будет зависеть от этого самого «поклонника». Только где же его взять, да ещё такого, чтоб для Дашки он стал лучше Кирилла?

Ну вот засада – Аллочка сколько ни думала, а особо-то выбирать оказалось не из чего. И пришлось ей лепить соперника Кириллу из того, что под рукой оказалось.

А если из того, что было, то кандидат быстро нашёлся. Этому – да ей только глазом моргнуть, он тут как тут будет, готовый служить душой и телом! И почему в жизни всегда так – Аллочке этот придурок вовсе не нужен. А нужен тот, которому она не нужна, даже задаром.

Поздний летний вечер был тихий, тёплый. Мужская рука на Аллочкином плече оказалась неприятно влажной, липкой даже. Аллочка вроде бы ненароком вывернулась из-под неё, заговорила:

– Можешь одно дело для меня сделать?

- Для тебя – хоть два!
- Ой, для начала попробуй хоть минут десять не балаболить, а? – Аллочка снова увернулась от его руки.
- Запросто! Ну, давай, говори, чего там у тебя?
- Отбей Дашку у Кирилла.
- Костик изумлённо посмотрел на неё и со всей душевной щедростью предложил:
- А Луну с неба достать?
- Да погоди ты! – с досадой перебила его Алла. – Что уж тут такого невиданного? Дашка – самая обыкновенная девчонка. Для тебя задурить ей голову – раз плюнуть, – неуклюже попыталась она польстить Костику. – Только захоти, уведёшь как телушку на верёвочке.
- Ага. Я у Кирки. Дашку. Да запросто. Вам к которому часу?
- Слушай, заткнись, – начала закипать Алла. – Вот же балаболка!
- Нет, это ты что, всерьёз что ли? Это и есть твой серьёзный разговор?
- Всерьёз, конечно.
- Ох и дура ты, Алка!
- На себя погляди. Чего это я дура? Между прочим, я ведь не за просто так прошу, я заплачу тебе.
- А-а-а... И, сколько, интересно?
- Доволен будешь.
- Ты, может, натурой собралась рассчитаться? Только знаешь что, детка, раньше, чем ты со мной расчёты производить начнёшь, Кир мне уже голову отвернёт. А без головы, сама понимаешь, мне ни денег не надо будет, ни природы твоей распрекрасной. Он, ведь, чёрт сумасшедший, дыхнуть в её сторону не даёт, не то чтобы ещё там чего...
- Костик, я же неспроста к тебе именно. Ты ведь горазд на проказы всякие. Ну пошевели мозгами-то, можно ведь это дело как-нибудь так повернуть, что Кирка и не рыпнется. Мало ли бывает, ходят, дружат, а потом раздружатся. Что, прям, все брошенные так и откручивают головы своим сменщикам?
- Алка, а чего ты так хлопчешь, а? – сощурил глаза Костик. – Тебя оно трогает?
- Конечно! Понаедут тут всякие, да будут лучших парней к рукам прибирать! Ещё чего! Костик расхохотался:
- А меня, тебе, значит, не жалко приезжей отдавать! Ну, спасибо, Аллочка!
- Ну, ты, это... – на секунду смешалась Алла. – Да никто тебя не отдаёт, чего выдумываешь-то? Ты же потом бросишь Дашку! Ты только разбей эту парочку, дальше мне без интереса. Костя молча смотрел на неё и покачивал головой.
- Ну, Костенька, договорились, а? – заискивающе спросила Алла. – Сделаешь?
- Нет уж, это как-нибудь без меня. Я погляжу, вы с Киром – два сапога пара, и мне меж вами встревать, это как на один камень голову положить и ждать, когда другим прихлопнет.
- О! Вот видишь, видишь! Сам говоришь, мы с Кириллом – пара. А Дашка – так, встряла случайно. Так что случайность эту надо исправить, сам ведь понимаешь теперь.
- Вы с Киркой, знаешь, какая пара? Камни есть такие, белые. Их друг об друга чиркнешь, искра проскакивает. Вот вы эти камни и есть: вас столкнуть, только искры полетят!
- Ну так что, Костик? Попробуешь с Дашкой, а? Я даже не понимаю, чего ты волынку тянешь? Думала, тебе моё предложение понравится, ты же любишь всякие хохмы. А ты чего-то так упираешься, как будто я тебя уговариваю на ней жениться! – рассмеялась она. – Хотя... если ославишь её на всё село, я тебе хорошо приплачу.
- А стерва ты, Алка, оказывается. От тебя надо подальше держаться. А то вот так, нечаянно, душу дьяволу-то и запродашь. Чего ты так на девчонку эту взъелась? Будто она тебе соли на хвост насыпала.
- Аллочка зло усмехнулась:

– Не договорились, значит? Жалко. Слизняк ты, Костик. Ладно, подбери сопли, я без сопливых обойдусь. Только ты имей ввиду, сболтнёшь кому о чём у нас разговор был – сильно жалеть потом будешь. Я точно знаю, мамуле моей очень не понравится, что распускаешь обо мне такие сплетни, а за клевету она тебя быстренько под какую-нибудь статью пристроит. Так что, получается, тебе выгоднее всех язык за зубами держать. Хорошо меня понял?

– Ну и стерва... – покрутил Костик головой. – Таких ещё поискать.

Вот этикие нешуточные страсти разгорались вокруг Кирилла и Даши. И, если правду сказать, так были и ещё, кому отношения этих двоих стали неожиданным и неприятным сюрпризом. Нет, против Даши, в общем-то, никто ничего не имел – она как-то так умела вести себя с людьми, что всем мила была. Добрая она была, Дашуня-то, так незлоблива, что и на неё зла держать не получалось. А только всё ж мало радости в том сельские девчата увидели, что вот откуда ни возмись приехала обычная совсем девчонка – ни красавица, ни принцесса, да и присушила лучшего парня, об котором не одна из них вздыхала да мечтала в ночной бессоннице. Впрочем, любой выбор Кирилла был бы «одобрен» точно так же, потому что за всеми этими мыслями скрывалась одна, главная: «Почему не я?! Я-то хуже что ли?!» Но какие бы думки не витали в юных головёнках, а только одна Аллочка дала им полную волю, да устремилась любыми способами исправить то, что ей шибко не по нраву пришлось.

Глава 7. Встречи

А Кирилл и Даши всё это будто и не касалось вовсе, они, прикипая друг к другу всё более, ничего дурного вокруг себя не замечали. Да и какое может быть дурное, если чувства их так светлы, отношения так чисты – что плохого можно в них усмотреть?

Кир свою Дашуню боготворил. До того она была проста, естественна во всём, – он не переставал удивляться на неё. Напрасный труд было бы искать в ней кокетство да жеманство – ни капли, ни в чём.

С Кириллом она так доверчива была, что ему даже и в голову не приходило воспользоваться этим доверием. Вот ведь тоже, странность. Раньше, как приходилось какую подружку по сумеркам до дому провожать, так первым делом в голове мысли крутились: в каком бы укромном местечке приобнять, потискать в шутку как бы, а с другой стороны, вроде разведку провести, как далеко разрешено будет «шуточкам» зайти. А вот к Даше это «потискать» не могло иметь никакого отношения, кроме оскорбительного. Кирилл разозлился бы на себя, прошмыгни вдруг такая мыслишка. Дашу можно было обожать, любоваться ею, восхищаться, радоваться тому, что она почему-то остаётся с ним рядом, не уходит, не бросает. Замирать сердцем от нечаянных прикосновений – какая у неё нежная, прохладная, бархатистая кожа! Никогда раньше он не знал, сколь радостно может быть от такого коротенького случайного касания...

А раз как-то шли они по берегу речки, и, когда берег обрывом подниматься начал, да всё выше и выше, Кир потянул Дашу спуститься к воде, на пологую песчаную полосу. Спрыгнул вниз и к Дашуне руки поднял, но не поставил её на песок, а опустил к себе на плечо. Так и понёс. С того вечера Кирилл часто и без усталости носил Дашу на плече в их долгих вечерних путешествиях. Ему это так нравилось, что голова кружилась от счастья. А в тот вечер она глянула на него вопросительно сверху, разглядела в ответ улыбку в темноте и сказала:

– Как Таис Афинскую.

– Это кто такая? – спросил Кир.

– Книжка такая есть, Ивана Ефремова. Так и называется – «Таис Афинская».

– А-а, видел я в библиотеке.

– Она была гетерой, очень красивой. Возлюбленной Александра Македонского.

– Гетерой? О-о-о! И Александр Македонский вот так же её носил?

– Знаешь, – задумчиво проговорила Даша. – Мы вот историю учим... И всё в одной куче оказывается... Что пещерные люди, что декабристы, или Пушкин с его Натали. А ведь они так недавно жили. И даже Александр, Таис. Или кто-то похожий на неё. Они были точно такими же как мы, обыкновенные люди. Чувствовали как мы, чего-то боялись, и мысли такие же думали. До них близко так – только руку протяни. А нам кажется, всё, что до нашего рождения было, всё незапамятные времена. И от людей тех остаются только имена, сухие, как формулы. Ты меня не понимаешь?

– Понимаю. Вот мы любим, переживаем. А через сто лет... хорошо, если кто-то будет ещё имена наши помнить, но за именем уже мало чего от нас останется. Наверно, есть какой-то смысл в том, что мир так устроен.

– Смысл в том, что люди беспмятны? Обидно. Какое богатство вокруг нас: каждый человек – как огромный мир. Сколько людей, столько миров вокруг, а уходит человек, никто не горюет, не думает, что разом целый мир умер.

– Не знаю. Об чём-то другом горюют. Потому, что эти миры всегда параллельные, живут друг с другом рядышком.

– И никогда-никогда не пересекаются?

– Иногда пересекаются, иногда рядом идут, но, пожалуй, один с другим никогда не сливаются. Ведь люди разные очень, как им совпасть?

И вот эти необычные разговоры Кириллу тоже очень нравились, раньше он ни о чём таком не говорил, и даже не знал, что способен, например, целый вечер вообразить себя кем-нибудь и по-щенячьи ликовать в душе в ответ на Дашин самозабвенный смех. С Дашей всё получалось так здорово, естественно, с ней хоть о чём можно было и говорить, и фантазировать, и дурачиться, не боясь, что будешь выглядеть преглупо.

Темнело уже, когда Даша возвращалась домой, – по маминой просьбе относил заказчице готовое платье. Вечер стоял тихий-тихий, зорька расплескалась в полнеба. Проходя мимо дома одноклассницы, Даша на минутку остановилась перекинуться парой слов с подружкой. Та поила телёнка у ворот, придерживая ведро с пойлом. Телок нетерпеливо толкался в него лобастой головой, вскидывался – того и гляди вышибет ведёрко из рук и всё разольёт. Юная скотница и ругала неслуха, и смеялась. Даша тоже посмеялась, глядя на их сражение, и помачала подружке рукой:

– Ладно, я пошла!

В прозрачном вечернем воздухе далеко разносились звуки. Заполосный утиный гомон донёсся с берега маленького пруда: хозяйка вышла с миской зерна, и прожорливые птицы немедленно окружили её, раскрякались нетерпеливо. Недовольно мычала бродяжливая корова, наладившись в путь по деревне, а девчушка с длинной ивовой прутьиной сердито заворачивала её к дому, в распахнутые ворота летнего загона. Рядом в огороде хозяин включил поливалку, с шипением пошла вода, широким веером вскинулся над грядками серебристый фонтанчик, и крупные капли умиротворённо зашумели в огуречных листьях. Где-то неподалёку кололи дрова, и звонко разлетались поленья.

– Привет, курносая! – услышала Даша и обернулась.

В нескольких шагах позади себя она увидела молодого мужчину, которого видела много раз, здоровалась, но ни разу он не пытался с ней заговорить. Фамилии его она не знала, а слышала, как называли Костей.

– Здравствуйте, – с долей удивления ответила Даша.

Костик невольно улыбнулся и покрутил головой:

– Ишь ты! А знаешь, Дашуха, меня в жизни никто на «вы» не называл! Ты первая.

– Вы же старше, – пожала Даша плечом.

– Домой идёшь? Пошли, и мне в ту сторону.

Даша молча зашагала дальше, Костик рядом.

– Что, нравится вам в деревне у нас? – спросил он, но чувствовалось, что спросил так, лишь бы не молчать.

Даша и ответила так же, лишь бы ответить. И дальше разговор был такой же, ни о чём. Пока не свернули в Дашин переулочек. Вот кто колот дрова по вечерней прохладце! Кирилл стоял посреди изрядной кучи поленьев, свежее белеющих обнажённой древесиной, и устанавливал на здоровенном чурбане очередную берёзовую чурку.

Дрова эти он сам же и привёз без лишних спросов-расспросов – подъехал днём, да и вывалил у дома здоровенную кучу напиленных чурок.

Мария с работы пришла и только руками беспомощно развела:

– Ну ты погляди, чего он делает!

А вечером встретила Кирилла хмурым вопросом:

– Тебе что, думать не об ком? Чай, свой дом есть.

– А у меня теперь два дома. Я по одной машине к каждому свалил. Вы, тётъ Маш, за меня не беспокойтесь, меня и на два дома хватит. Тётъ Маш, а я голодный. Мои бабоньки в гости на два дня отпросились. Я дома-то управился, а вот сварить... – Кирилл с комичной виноватостью развёл руками.

– Нет, ну ты погляди на него! – опять изумлённо повторила Мария за неимением других слов и повернулась за поддержкой к дочери.

Даша весело расхохоталась. Не удержавшись, засмеялась и Мария.

– Садись за стол, лихоманка, – сдаваясь, махнула она рукой.

Увидев впереди Кирилла, Костик остановился. Кир тоже увидел их и теперь стоял, опершись на топор.

– Мне это... оказывается, совсем не в эту сторону надо, – пробормотал Костя и, к удивлению Даши, круто повернулся и пошёл назад.

– Чего ему от тебя надо? – недовольно спросил Кирилл.

– Да ничего. Так, сказал, что ему по пути.

– Ну-ну, я вижу, как ему по пути.

– Он что, тебя испугался? – засмеялась Даша.

– Мало ещё испугался. Этот шалопут третьей дорогой обходить тебя будет.

– Ой, брось, Кира! – с укором сказала Даша. – Чего ты?

А время знай себе, идёт: худое ли у человека, радостное ли – всё ложится во Время-реку и уплывает вдаль. К человеку же, не спросясь, подступают новые испытания, и новые радости, и новые печали. И не заставит Время-реку вспять потечь, ни даже приостановиться на коротенький миг – не трогают её ни мольбы, ни слёзы, и сами мольбы точно так же канут в мутных тихих водах и уйдут прочь... прочь...

Подошёл к концу август. Вдоволь нагляделись Кирилл с Дашей на дожди-звездопады, желания на падающую звезду загадывали. А там начался сентябрь, а с ним и последний Дашин школьный год.

Аллочка первого сентября в школу не явилась, и ни второго, ни третьего. Лишь недели через полторы осчастливила она школьные стены своим появлением – повзрослевшая, загорелая нездешним загаром, волосы выцвели на жарком солнце до льняной белизны. Сама же Алла стала ещё красивее: смуглая эффектная блондинка с фигурой супермодели из модного журнала.

– Ах, мы в кризисе были, – с томным небрежением отвечала она на расспросы одноклассниц. – С кузиной и её женихом.

За полтора месяца, пока Аллочка не была дома, за обилием впечатлений как-то подзабыла она домашние свои проблемы. Да и уверена была, что теперь они сами собой разрешились. Право, с какой бы стати Кирке столько времени за одну юбку держаться, когда все знают, он бабник известный и постоянством никогда не отличался, пенки снял – и дальше. А оказалось – всё ещё держится он за Дашкину юбку и бросать её не собирается, как пришили его! Это был удар. Как же так?! Полтора месяца Аллочка чувствовала себя королевой. Какие мужчины дарили ей цветы и комплименты! Смотрели с восторгом! Да ей бы только пальцем шевельнуть – любой бы псом лёг у ног! А этот... чурка деревенская... что он о себе думает?! И Дашка! Ведь не подошла даже, когда девчонки окружили, охали и ахали на сообщение о кризисе, расспрашивали, ловили каждое словечко! А эта сидит, учебник листает, будто невесть что найти там собирается! Лишь бы только назло ей, Алле!

Алла места от злости не находила – всю радость эта уродина тощая ей испортила! Если бы не Дашка, Аллочка и тут себя королевой бы чувствовала. Снисходительно повествовала бы о летнем путешествии, о поклонниках, каких эти замухрышки-одноклассницы только в кино видели. Да они все в рот бы Аллочке заглядывали! Нет, всё, всё Дашка испортила!

А на предпоследней переменке ещё того хуже случилось. Погода солнечная была, теплынь летняя, даром, что сентябрь на дворе стоял. Из душевных классов все на двор повысыпали. Малышня игры затеяла: девчонки прыгали по расчерченным мелом классикам, пацанята шныряли меж большими, то ли догоняя друг друга, то ли прячась.

И тут остановилась у школьной ограды машина, и в кабине Аллочка увидела Кирилла. У неё аж сердечко ёкнуло от радости: ну-ка, Кирка, давай, глянь на меня! вот я какая! А он помахал рукой: «Общий привет!», по Аллочке глазами мазнул. Видел! Она не ошибалась, он её видел, и... ничего... Скользнул глазами мимо, разулыбался... Дашке! А она прям засветилась вся... Подошла быстренько... как собачонка на свист подбежала. Кирка чего-то сказал коротко, перекинулись словами... глаза бы не глядели!

Аллочке так тошно стало, аж живот заболел.

– Девчонки, я домой пошла. Скажите, что заболела.

– Ты и правда, бледная какая-то... Может, к медичке зайдёшь?

– На фига она мне, ваша дура-медичка!

Алла повернулась и пошла в класс, вещи свои забрать. Ноги показались чужими, как ходули негнущиеся. Шла на этих ходулях и думала, что все смотрят ей в спину и ухмыляются, подсмеиваются...

Аллочка ещё за дверью услышала стрекот печатной машинки, и это подлило масла в огонь её раздражения.

«Секретарша у неё, интересно, для чего юбку протирает? Пусть бы она и таскала работу домой, и стучала бы там себе, сколько влезет! Нет же! Мамочке обязательно надо притащиться с этим и долбить, долбить. Дятел! И плевать ей, что у меня голова раскалывается!» Алла забыла, что у неё вроде бы совсем не голова болит, а живот.

Хмурая, что осенняя туча, она вошла в комнату, где работала мать.

– Аллочка? – удивлённо глянула на дочь Галина Георгиевна. – Что так рано сегодня?

– Голова болит, – буркнула та недовольно.

– Голова? Вот, тебе на! Ни с того ни с сего. Ты голодная?

– Нет. Не хочу ничего.

– Ну иди, приляг, золотко моё, отдохни. Я сейчас закончу и приду к тебе. Мне чуть-чуть осталось допечатать.

Алла прошла молча и села на диван. Галина Георгиевна вопросительно посмотрела на неё, но ничего не сказала, снова принялась за работу. Некоторое время Аллочка молчала, потом объявила:

– Я выхожу замуж.

Галина Георгиевна оторвала взгляд от клавиш и поверх очков посмотрела на Аллу.

– Вот как? И кому так повезло? – она решила поддержать шутку дочери.

– Кирке, придурку этому!

У Галины Георгиевны брови поползли вверх:

– Неужели он сватался к тебе? – рассмеялась она. – В самом деле – придурок!

Отсмеявшись, сказала:

– Ой, Аллочка, не смей ты меня! Дай я закончу, это срочно, – и повернулась было к машинке, но то, что произошло дальше, заставило её о работе забыть.

Алла подхватила с дивана, в ярости подскочила к столу и смахнула на пол толстую папку, лежавшую перед Галиной Георгиевной, – листы документов веером разлетелись по паласу.

– Да! Кирка придурок, олигофрен! Втюрился в эту Дашку! Но женится он на мне, а не на ней! Тебе понятно?!

– Аллочка... – Галина Георгиевна опешила. Она, в общем-то, привыкла к неожиданным желаниям и внезапным капризам, но вот такой, как сейчас, она никогда ещё свою дочь не видела.

Алла была как будто не в себе. Кровь прилила к лицу, оно побагровело. Красивые волосы обычно выглядели прекрасно даже в живописном беспорядке, но сейчас казались растрёпанными, включенными. Большие глаза как будто воткнулись в Галину Георгиевну, и в них она

не узнавала свою милую Аллочку. Напротив, как взведённая пружина, стояла чужая Алла, злобная, ненавидящая её непонятно за что. Казалось, ещё мгновение, и она кинется на мать и будет колотить, колотить своими кулачками куда попало.

– Алла, деточка, успокойся... – Галина Георгиевна встала, тихонько обняла дочь за плечи, привлекла к себе. – Всё будет, как ты хочешь.

Алла отстранилась, упёрла в лицо матери колючий взгляд:

– Он женится на мне?!

– Конечно! Конечно, женится. За счастье небывалое сочтёт, ещё и благодарен будет! Успокойся, моя хорошая. Да было бы об ком так переживать! – уговаривая дочку, Галина Георгиевна тихонько повела её к дивану, села рядом. – Кто посмел обидеть мою золотую, мою красавицу?

– Я красивая? – требовательно посмотрела Алла. Вспышка непонятной ярости, так испугавшая Галину Георгиевну, ушла, но глаза всё ещё были жёсткими, злыми.

– Господи, Аллочка! – от изумления Галина Георгиевна всплеснула руками. – Да тебе ли об этом спрашивать?! Такой красоты, какая у тебя – одна на тыщу, да и то, едва ли. С таким личиком, с такой фигуркой, да у тебя, знаешь, какой муж будет? Он тебя золотом за одну красоту осыплет!

Алла дёрнулась и резко села, с неприязнью глядя на мать.

– Я же тебе сказала!

– Да про Кирку-то я уже и не говорю! Этот вообще будет тебе ноги мыть и воду пить! Правда, о чём тут расстраиваться? Ты лучше ляг и усни, – она подложила под голову Аллочке подушку, укрыла своей большой вязанной шалью, в которую любила завернуться, и села поближе. – Ах, глупенькая, нашла о чём переживать! – она стала тихонько гладить дочку по голове. – Закрывай свои глазоньки, усни, моя девочка, моя красавица. А проснёшься, и всё будет хорошо...

Сколько раз Аллочка вот так, как сейчас, обиженная, расстроенная, лежала с закрытыми глазами и слушала тихий материн голос, и тёплая рука гладила её волосы, и она знала, что, и в самом деле, всё будет хорошо, уж мама об этом позаботится. И от маминой нежности и её любви, для которой преград не существовало, Аллочке становилось так уютно. Уходили все недовольства и беспокойства, и такое умиротворение нисходило на неё, что она, обычно, сладко засыпала. Так же случилось и теперь – достаточно оказалось маминого слова, чтобы улетучились все треволнения и переживания дня.

Галина Георгиевна сидела рядом со спящей дочкой и любовалась ею.

«Выросла моя малышка, – думала она, с улыбкой глядя на дочку. – И игрушки другие понадобились. Надо же, – замуж! А губа у малышки не дура, ишь, какого самца выбрала. Самого-самого».

Галина Георгиевна и сама при случае любовалась на парня, а какая баба могла на него равнодушно глядеть? К тому же, прокурорша была довольно цинична, про любовь и прочую романтику давно всё знала, а так же и про их точную стоимость, которая, в зависимости от обстоятельств, была ниже или выше, но никогда – слишком высока. На Кирилла она, бывало, посматривала оценивающе, и где-то глубоко слегка завидовала тем, с которыми, она знала, парень водил шуры-муры. Но всерьёз Галина Георгиевна никогда не ставила себя и его рядом. Зачем он ей? Испытать очередное разочарование, как чаще всего бывало? А этот парнишка... что он может знать и уметь, мужлан? Каким таким тонкостям обучили его деревенские клуши?

А Аллочка, глупышка, клюнула на заманчивую игрушку. Галина Георгиевна улыбнулась и покачала головой. Да если бы девочка и завладела этой игрушкой, так он, наверняка, скоро надоел бы ей. К игрушкам она никогда не привязывалась и не жалела их: когда надоели – ломала.

Ах, да пройдёт это у девочки! Завтра-послезавтра успокоится, и Галина Георгиевна найдёт, какими словами и какими посулами изменить дочкины прихоти. Шоферюга, неуч, безотцовщина! Такой ли Аллочке-красавице нужен мужчина? Нет уж, Кирилл, выкуси, этот цветок не тебе срывать. У дочки будет такое будущее, о котором мечтает Галина Георгиевна. За рубеж она будет так же запросто ездить, как другие в соседнюю деревню ходят. Она услышит слова восторженных комплиментов в самых элитных столичных обществах. Денег, разумеется, у неё будет... ой, много! Аллочка стоит дорого. А о нарядах и украшениях и говорить нечего!

Галина Георгиевна обнаружила, что сидит и улыбается своим мечтаниям. Спихватилась и оглянулась на рассыпанные по полу бумаги: «А-а, плевать! Аллочкин покой дороже».

Прокурорша и не вспомнила о какой-то Дашке, упомянутой дочкой, мол, втюрился в неё Кирка! На эти слова Галина Георгиевна и внимания-то не обратила.

Глава 8. Матери

Вечером того же дня Мария нежданно-незвано пришла в дом Кирилла. Татьяна, матушка его, обернулась на стук двери, лицо посмурнело.

– Вечер добрый, – поздоровалась гостя.

– Проходи, Мария, садись к столу, ты как раз к чаю. Мы со старой почаёвничать собрались.

Отвернулась было к плите, где чайник закипал, шумел сердито, да не удержалась, опять повернулась к Дашуткиной матери:

– Только, Мария, ты, если на Кирилла пришла с обидами, так я-то ведь что могу? Он такой у нас... если чего решит, так его не своротишь.

Старая бабушка близоруко шурилась на гостью.

– Ой, что ты, Татьяна! Я и пришла – вроде повиниться, что ли. На сына твоего не наудивляюсь. Это правда, что он своего добьётся, хоть ты тресни, я уж заметила. А только... – она как бы недоверчиво-удивлённо покачала головой. – Как ты его такого вырастила, Татьяна? Настоящий мужик, хозяин!

– Я вырастила! – насмешливо повторила хозяйка. – Чего я там могла вырастить? Сам поднялся, откуда что взялось. Правда, что заботливый да хозяйственный. Просить иль напоминать не надо ни об чём, весь дом в руках держит, всё хозяйство.

– Да ведь он теперь и об нашем так же заботится! Мне аж неловко, я ж как его гнала. Тебе жаловаться приходила. А теперь – сколь уж раз спасибо ему сказала! Он-то вроде и не помнит никакого зла, а мне иной раз смотреть на него неловко. Вот, пришла хоть тебе про это сказать.

– Это ничего, – улыбнулась Татьяна. – Кира добрый, и понимает всё. Ты ведь тоже не со зла. Нешто не понятно. А Дашуня чего? Не переживаешь больше, мол, обидит?

– Нет, Татьяна, нет! Какое там обидит! На руках носит.

– Дай им Бог, – улыбнулась мать. – У нас с тобой, как погляжу, жизнь у обоих не шибко задалась, так хоть на деток бы порадоваться.

Она поставила на стол ещё одну чашку, налила чаю.

– Мама, ты с вареньем или с сахаром будешь? – спросила она свекровь.

– Сахарку мне, сахарку положи.

– Гляди, не обожгись, потихоньку, – предупредила заботливо старуху. – А ты, Мария не стесняйся. Вот, хошь варенье бери, малиновое. Это уж нонешнее.

– Не сердись на меня? – спросила Мария, медленно помешивая ложечкой чай.

– Я и не сердилась. На что было сердчать? Нешто не знаю, какая слава вперёд сынка моего бежит? Так понятно, какая тебе, матери, от такого кавалера радость? Тут не знаешь, на кого и сердчать надо. На Кирилла? Дак на него тоже, – могу ли я?

– Кира хороший у нас, хороший, – подала голос бабуля. – Вы его не забирайте. У него душа мягкая.

– Это правда, – покачала головой Татьяна. – Поглядишь на него – как стенка каменная, надёжный, твёрдый. Не пробьёшь. А он не в панцире, нет, мягкий он, как дитё. Его ранить легко.

– Да неужто так?

– Правду говорю. Я сама иной раз забываю, кажется, сколь не вали на него, все сvezёт, любую беду руками разведёт и за спину откинет. Сам себя так ставит, не пожалуется никогда, не скажет, что не могу, мол, нет, всё умеет, всё может. И вроде его ничто не возьмёт. А, иной раз, вдруг как-то откроется, и такая жаль на меня найдёт, до слёз... «Ах, дитёночек мой, – думаю, – не от сладкой жизни ты с малолетства привык хозяином себя выказывать, все главные заботы в доме на себя брать, не по годам...»

...Даша услышала, как перед домом просигналила машина, и заторопилась выйти к Кириллу – удивительное дело, она давно уже могла отличить сигнал его грузовика хоть среди сотни других.

– У тебя что, рабочий день ещё не кончился? – удивилась она.

– Скотницы попросили соломы привезти. У них там для телят на подстилку нет ничего. Поедешь со мной?

– Да я уроки учу.

– А, ну тогда конечно! Вдруг завтра пару схватишь?!

– Ой, да ну тебя, Кир! – засмеялась Даша. – Нет, чтобы поддержать, условия создать, так нет, ведёшь себя как двоечник, ещё и добрых людей с панталыку сбиваешь.

– Ну, – развёл Кирилл руками, – извиняйте нас, неучей и хулиганов. За людей не знаю, людей нам тут не надобно, а тебе условий хоть сколько создам! Вот поехали со мной, по дороге я буду проверять, как ты уроки учишь. Расскажешь, что задали. Про всякие синусы-косинусы перескажешь мне, или чего там у вас завтра? Да-а-аш... Поехали, а? Мне без тебя скучно. У меня уже рефлекс условный, понимаешь, в это время я должен к тебе бежать. С рефлексом не поспоришь.

– Слюна выделяется, да? Как у собачки Павлова?

Кирилл расхохотался:

– Дашка, ты язва! Ты едешь или нет?!

– Ну, а что с тобой делать? – Даша накинула на дверной пробой щеколду и забралась в кабину.

Кирилл, широко улыбаясь, смотрел на неё.

– Кому мы тут, интересно, лыбимся? – высокомерно спросила Даша.

– Тебе.

– С чего бы это?

– Телята без подстилки сидят, а я тут уговариваю тебя три часа.

– Да-а-а, это, конечно, причина от уха до уха улыбаться, – понимающе закивала Даша.

– Дашка ты моя, Дашка! – Кир взял её руку, прижался к ней лицом. – Я соскучился по тебе, девчонка ты моя маленькая.

– Тебе очень странные маршруты выписывают, всё мимо школы. Сегодня тридцать три раза проезжал, я тебя видела, – улыбнулась Даша.

– А я нет, – огорчённо вздохнул Кирилл. – Только окно, за которым ты сидишь.

– И в которое я то и дело смотрю. Меня скоро отсадят на самый последний ряд.

– Ну уж! Кто это даст им обижать мою Дашеньку? Ну, рассказывай, – велел он, трогая машину.

– Про синусы-косинусы, что ли? – засмеялась Даша.

Кирилл кивнул, потом ещё раз:

– Про них тоже. Сначала расскажи, чего новенького было сегодня.

– Ничего, – пожала плечами Даша.

– Ты же даже не подумала, лентяйка, не повспоминала.

– А... ну сегодня я была в библиотеке...

– Вот! Это же интересно очень!

– Будешь перебивать, рассказывай за меня сам.

– Я не перебиваю, я наводящие вопросы задаю.

– Ну и вот, Людмила Петровна, заведующая, зазвала меня к себе и уговаривала поступать в институт, на библиотекаря учиться.

– Ишь ты!

– Говорит, что дадут направление, и чтоб потом к ним вернулась.

– А ты чего? Тебе нравится профессия?

– Сама не знаю, – пожала плечами Даша. – И одно нравится, и другое, и третье. Мне вот нравится с мамой модели в журналах разбирать или помогать придумывать что-нибудь особенное – к празднику там, или свадебное. Вроде бы совсем уже решила на модельера идти учиться... Ой, Кир, не знаю.

– Ну и не переживай. Время есть ещё. Подрастёшь, поумнеешь и решишь.

– Ты всё смеёшься надо мной, вредина-медведина!

– Дашуня, – Кирилл влюблённо посмотрел на неё, – чудонько ты моё, я же знаю, что ты всё решишь как надо. А я тебя представляю то в одной профессии, то в другой, и ты мне каждый раз страшно нравишься! Я просто в каком-то умилительном восторге от тебя – это же надо быть такой умненькой, всё-всё уметь!

С обеих сторон потянулись скошенные поля, и Кирилл свернул с дороги к копёшкам соломы – под колёсами захрустела колючая золотистая стерня.

Он без усилия поднимал и закидывал в кузов большие навильники соломы, а Даша смотрела на него и чуть улыбалась чему-то своему, задумчиво и немного печально.

– О чём думаешь, Дашунь?

Она чуть пожала плечами, но помедлив, проговорила:

– Ты вот сейчас сказал про профессии... и вообще...

– Чего я сказал? – прервал Кирилл паузу. – Опять чего-нибудь не то ляпнул?

– Нет. Просто ты так говоришь... мама очень похоже говорит, хоть и про другое. Но получается – про то же. Я когда спать ложусь, мама приходит спокойной ночи мне сказать – она-то за полночь ложится, всё сидит шьёт или ещё чего делает. Ну вот, мама подсаживается ко мне, и мы разговариваем с ней обо всяком. А недавно она мне стихами вдруг сказала. Грустно... и хорошо. Знаешь, – улыбнулась Даша, – я теперь их чуть не каждый вечер прошу, как раньше сказку просила. Уже наизусть знаю.

– А мне расскажешь?

– Ну, слушай.

Больше не плетёшь косичек, доченька моя!
И не носишь бантов-птичек, доченька моя!
Ты восторженно взрослеешь, доченька моя.
Не спеши, ещё успеешь, доченька моя.
Ах, побудь ещё девчушкой, неумехой, хохотушкой
С беспечальными глазами,
С беспричинными слезами.
Не бросай ещё меня, дочка, доченька моя!¹

Кирилл воткнул вилы в землю. Помолчав, спросил:

– Скажи честно, твоя мама всё ещё против меня?

– Нет, конечно! – удивлённо ответила Даша. – С чего ты вдруг об этом? Странно на тебя стихи повлияли, – чуть растерянно улыбнулась она. – Про это там, вроде бы, нет!

– Как раз про это и есть. Дашунь... – он повернулся к ней, посмотрел пристально. – Я тебя никогда-никогда не обижу. Только ты не уходи от меня, ладно?

– Куда же я от тебя уйду? – совсем растерялась Даша.

– В другую жизнь, где я буду лишним.

Взгляд её стал другим – серьёзным и строгим. Он будто и испытывал, и спрашивал, только кого? Кирилла или её саму?

– Такого просто не может быть, – тихо и твёрдо сказала она. – Я тебе обещаю.

¹ Стихи Елены Кожеватовой

– Постой! – прервал Кирилл. – Не обещай ничего. Я не хочу. Людей другое должно связывать, а обещания... – он усмехнулся: – Это, как скованные одной цепью.

– Получается, что в себе ты уверен, коль сам обещаешь, а во мне сомневаешься! – Даша как будто даже рассердилась.

– Жизнь бывает жестокая. Бывает, что человек сам себе не хозяин.

Она посмотрела долгим-долгим взглядом и серьёзно сказала:

– Я не знаю, что может такое случиться... – и прерывисто вздохнула. – Я просто не могу представить, что проснусь утром, и буду знать: тебя в этом дне нет. И завтра не будет, и послезавтра... и никогда-никогда больше не будет. А зачем они мне всё тогда? – жалобно спросила Даша, и на глазах заблестели слезинки. Она быстро шагнула к Кириллу и ткнулась ему в грудь: – Зачем ты меня пугаешь?

У Кира в голове зашумело и поплыло, даже мысль испуганная мелькнула: «Я же не пил!» Он осторожно сжал худенькие плечи, более всего боясь, что ударит в ладони дурная сила. Господи ты Боже мой, какая же она невозможно маленькая, хрупкая, такими и не бывают! Да её на шаг нельзя от себя отпустить! Вот так взять на руки и не спускать на землю, это ему, медведю, пристало топтать по жёсткому.

– Дашенька...

Как близко-близко её лицо! И слезинки на щеках. Кирилл осторожно стирает их губами. И влажными от солоноватых капелек находит её губы. Они медлят... то ли в растерянности, то ли в испуге... и доверчиво раскрываются навстречу первому в жизни поцелую.

Глава 9. Алла негодует и радуется

– Ты мне что обещала? – Галину Георгиевну застал врасплох сердитый Аллочкин вопрос.
– Что? – не поняла она.
– Как что?! – негодующе-изумлённо выгнула Аллочка свои красивые бровки. – Ты забыла наш разговор?!

– Извини, но я в самом деле... Ах, это про Кирилла что ли?

– Да! Ты что, и думать забыла даже? Ну ничего себе!

– Аллочка, – улыбаясь с лёгким упрёком, Галина Георгиевна притянула к себе дочку. – Да я уверена была, что ты давно выкинула его из головы. Ты же у меня умница. Зачем такой принцессе, как ты, эта деревенщина неотёсанная? Да на кой он нам сдался?

– Ты... Ты... – от негодования Алла растеряла слова и только гневно смотрела на мать, отпихиваясь от неё руками. – Ты мне наврала???

– Алла, успокойся немедленно! Что ты ведёшь себя как капризный ребёнок? – начала сердиться Галина Георгиевна. – Или мы разговариваем как взрослые люди, или вообще нет никакого разговора.

– Как прикажешь с тобой разговаривать, когда ты обещаешь, а выполнять и не собираешься даже?!

– А когда ребёнок капризничает и просит звезду с неба, ему и обещают звезду, чтоб успокоился.

– Ах, вот как, да? Чтоб успокоился, да?

– Алла, прекрати! – Галина Георгиевна жёстко пристукнула ладонью по столу.

– Мамочка, это ты на своих прокурорских стучи, ладно? На меня не надо.

– Хорошо. Всё. Обе прекращаем психовать. Давай поговорим спокойно.

– Только если ты собираешься говорить в духе – «зачем он тебе нужен» – то лучше не надо. Или я за себя не отвечаю.

Галина Георгиевна приподняла бровь, помедлила, потом сказала:

– Идёт. Я попробую. Но знаешь, не стоит всё же цепляться к словам. Разве мы не можем говорить откровенно, всё что думаем, и не выбирать слов. Если не с тобой, то с кем мне ещё так говорить? Вот что: говорим откровенно, но без обид и без психа.

– Тогда и ты, мамуся, имей в виду: я взрослая, и ты мои желания за детские капризы не принимай.

Галина Георгиевна кивнула:

– Ну, давай, как взрослая, спокойно объясни мне, чего ты хочешь.

– Я совсем немного хочу. Выйти замуж за Кирилла.

Галина Георгиевна покусала нижнюю губу, потом верхнюю, и сказала:

– Ты собираешься всю жизнь прожить в этой дыре?

– Какое это имеет отношение к Кирке?

– Самое прямое. Твоё место не здесь, Аллочка, ты понимаешь, что ты – звезда, тебе нужен небосклон, а не эта грязная лужа. Доверься мне, девочка моя, я уверена, ты вскоре будешь блистать в столице, за границей. Для этого и надо-то немного – правильно выйти замуж. Тебя признают и примут, ты сразу станешь своей. Подумай, разве Кирилл стоит так дорого, чтобы отказаться от блестящего будущего, только лишь бы получить взамен одного этого мужика?

– Да мне не от чего отказываться! У меня пока что и нет ничего! А Кирка – вот он!

– Будет! У тебя всё будет, это уж ты мне поверь. Только подожди чуточку, не напорть сама себе. Осталось-то подождать всего ничего. Вот закончишь школу, и у тебя начнётся другая жизнь. Аллочка, подумай, не пройдёт и года, и ты будешь запросто сидеть за одним сто-

лом с людьми, которых сейчас обожаешь и считаешь недостижимыми, с эстрадными звёздами, с актёрами, писателями, да с кем хочешь! Я тебе клянусь, так будет!

Аллочка молчала. Перспективы, которые открыла перед ней мама, завораживали. Она ни на минуту не усомнилась, что они достижимы – коль мамочка сказала, значит так и будет. Нет, она нисколько не против посидеть за одним столом с Андреечкой Губиным, например, испытать на нём свои чары. А он будет смотреть на неё своими бархатными глазками... Аллочка улыбнулась мечтательно. Галина Георгиевна воспользовалась переменной в настроении дочки:

– Я твёрдо тебе обещаю: ты получишь всё это, Алла. Только доверь мне строить эту дорожку наверх, не мешай. Ну на что тебе этот парень. Ты ведь сама видишь – он сюда никаким боком! Аллочка, деточка, да ты ещё не видела настоящих мужчин! Здесь их нет. Но они будут у тебя, много. А Кирилл ты, если и вспомнишь, так не иначе как со смехом. Брось думать о нём. Хорошо?

Всё ещё витая в облаках мечтаний, Аллочка согласилась:

– Ладно, я попробую.

Галина Георгиевна удовлетворённо улыбнулась: «Не так уж и сложно оказалось!»

В семье Елецких прошло несколько почти безмятежных дней, и ничто не предвещало сюрпризов, когда Алла вдруг сообщила:

– Мама, я решила: выхожу за Кирку замуж.

– Вот как? – Галина Георгиевна даже растерялась от неожиданности. Она считала эту тему закрытой, и вот на тебе! Чтобы выиграть минуту-другую и сообразить, что и как теперь говорить дочери, Галина Георгиевна начала почти машинально, не задумываясь: – Вообще-то я думала, мы об этом всё выяснили. Значит, ты всё взвесила и выбрала то, что оказалось для тебя всего весомее – Кирилл. Ну, что ж, поздравляю! Нет, в самом деле, Алла, не каждая ведь сможет ради минутной прихоти вот так запросто пустить прахом всё своё будущее.

– Ой, мам! Да ничего я прахом не пускаю! Никуда оно от меня не уйдёт. Я немножечко побуду замужем за Киркой, а потом разведусь с ним и тогда выйду за того, кого ты скажешь.

– Ах, во-о-он ты как придумала! – удивлённо протянула Галина Георгиевна. – Ну, я даже и не знаю, что сказать...

– А чего ты собираешься мне говорить? Я твёрдо решила, и ты меня не отговаривай. Нет, ты сама подумай, мама! Ты говоришь, что я красивая, я звезда, вот я и хочу проверить, какая я звезда. Кирка-то на меня и не глядит. Втюрился в какую-то мышь серую, будто и нет больше никого вокруг. Это почему я должна уступать всякой дуре приезжей, а? Хочу, чтобы Кирка моим был!

– Это что ещё за мышь приезжая?

– Дашка! Ну, я же говорила тебе, приехали в прошлом году. Мать у неё портниха, в ателье работает.

– Портниха? Что-то припоминаю... Говорят, хорошо шьёт.

– Да мне какое дело, кто чего шьёт?! До её матери мне вообще нет дела! Я тебе про Дашку говорю, ты мам, глухая что ли?

– Ну-ну, обороты-то убавь. Ты меня послушай лучше, Алла, брось ты это! Я на тебя удивляюсь – на кой шут тебе они сдались?! Шоферюга и дочка портнихина – парочка самое то, и пусть они свою любовь крутят. Чему тут завидовать, Аллочка? Тому, что от него всю жизнь будет бензином вонять? Тебе это нужно?

– Мам, ты кончай мне по ушам ездить, а? Я тебе про одно говорю, а ты мне про другое совсем петь начинаешь. Какое мне дело, чем от него воняет? Я тебе говорю: не хочу, чтоб Дашка мне дорогу переходила. Я в жизни никогда и никому этого не позволю. Это ты можешь понять? И я сделаю, что Кирка мой будет. А как потом – об этом у меня голова не болит. Замуж выйду, а потом хоть на другой день ноги об него вытру и за двери выпну.

Галина Георгиевна с интересом посмотрела на дочку, потом усмехнулась и покачала головой:

– Вот ты у меня какая... А скажи мне, как ты собираешься сделать, чтоб он женился на тебе? Как я поняла, он никого не замечает, кроме этой мышки?

– Ничего... Заметит. Уж я придумаю, как.

– И давно любовь промеж них?

– Давно. С прошлого года.

– А что же, ты до сих пор не пыталась отбить Кира?

– Не-а.

– Да не поверю!

– Ну... так, не всерьёз. Предложила раз Шалому Дашкой заняться, – Алла презрительно махнула рукой.

– В каком смысле – заняться?

– А во всех.

– Та-а-к-ак... а ещё лучше ничего не могла придумать? Ты с ума сошла что ли? В тюрьму за подстрекательство захотела?

– Ой, мам, – скривилась Алла, – не говори ерунды! С этим олигофреном и связываться не стоило! Он Кирку страсть как боится.

– В общем, так, радость моя. Не вздумай ещё чего наподобие выкинуть. Такие дела подрутому делают.

– Как? Ты меня научишь, мамуленька?

– Я подумаю.

– Ой, мамусик! – Аллочка кинулась к матери, обняла её за шею и, что есть силы, прижала к себе.

– Алла! Ты меня задушишь!

– Ни за что!!! Вот теперь Кирка у меня, вот он где! – она потрясла сжатым кулачком.

– Алла! – Галина Георгиевна отстранила дочь и строго посмотрела на неё: – Дай мне слово, что сама ничего не предпримешь.

– Ну конечно! Я тебе сто слов даю, мамусик! Я же знаю, ты всё сделаешь в сто раз лучше, чем я!

А время шло, и Алла начала проявлять нетерпение. Опять приходила из школы раздражённой, грубила матери, и за всеми её словами и поступками ясно читался вопрос: «Ну? Когда?»

Заводить открытый разговор она не решалась – отец загрипповал, потом получилось осложнение, и «глава семьи» засиделся на бюллетене, то есть почти постоянно был дома. Если и ходил на приём к врачу, то делал это с утра, а к Аллочкиному возвращению из школы (и к её досаде), уже был дома. При нём Алла удерживалась от вопросов, потому что Галина Георгиевна заранее предупредила:

– Язык за зубами крепко держи, знать про всё будем ты да я. Не вздумай отцу про наш заговор проболтаться. Он у нас правильный шибко. Мало, что начнёт зудеть, как муха надоедливая, как бы ещё чего похуже не выкинул. Короче, с ним будут лишние заботы, а оно нам надо?

Честно говоря, дочке было глубоко наплевать на опасения матери и нотации папаньки, но сейчас ей вовсе не хотелось сердить мать и портить с ней отношения.

Впрочем, видя, как дочка нервничает, Галина Георгиевна сама с ней заговорила:

– Ты, радость моя, беситься-то перестань. Наберись терпения. Ты получишь себе новую игрушку, но не завтра и не на следующей неделе.

У Аллочки вытянулось лицо.

– А ты что, и вправду надеялась все дела за недельку обстричь? – усмехнулась Галина Георгиевна. – Тебе сколько лет, деточка? О каком замужестве речь?

– О-о-о... – разочарованно протянула Алла. – Так это ещё вон сколько ждать что ли? До дня рождения?!

– Ничего, подождёшь. А чтоб легче было, попробуй смотреть на Кирилла и его подружку другими глазами. Мол, давайте, радуйтесь! Я-то знаю, чем всё кончится. Сделай из этого шоу, и не важно, что зритель всего один будет – ты сама. Играй! Как актриса играй. Разговаривай с девочкой этой, изображай сердечную подружку, что без ума рада за неё, что у неё с Кириллом так всё замечательно. А в душе смейся над ней, над доверчивостью, наивностью, глупостью, найди или придумай, над чем можно посмеяться. Тебе понравится, я уверена, и сразу станет легче. Поверь, умение притворяться в жизни всегда пригодится. Уж женщине – обязательно. Потренируйся, не трать время даром, тем более, случай-то какой удобный!

Алла рассмеялась:

– Слушай, мамусик, золотая, ты у меня просто умница! Это же будет ужасно весело! Мне прямо не терпится игру затеять.

– Не перестарайся только, – улыбаясь, поучала мать.

Выхлопотав себе отсрочку, Галина Георгиевна снова успокоилась. Она очень надеялась, да уверена просто была, что до дела не дойдёт, и ей не придётся выполнять взятые перед дочкой обязательства. Ведь самый хороший способ испытать вздорные желания на прочность – время. Чтобы к цели сквозь время пройти, тут целеустремлённость нужна, постоянство, упорство. А за Аллочкой таких качеств отродясь не водилось.

Галина Георгиевна считала, что чувства Аллочкины произрастают не из искренней симпатии к Кириллу, а из зависти и эгоизма. Но если Аллочке удастся посмеяться в душе и над ним, и над соперницей своей, то зависть должна приутихнуть. Алла страстно хочет оказаться на месте этой... Даши. Но когда соперница представится в смешном, нелепом виде, кому захочется на её место?

Нет никаких сомнений, Аллочкина прихоть пройдёт без следа.

Глава 10. Костя предупреждает

– Дашунька, ты что, именинница сегодня? Аж светишься вся. Или в лотерею выиграла?

Даша улыбнулась:

– Нет, не именинница. И не выиграла. Просто день хороший.

– Не угадал, выходит, – Костик обескураженно развёл руками. – А я уж собрался тебя поздравлять.

– Ничего, в другой раз поздравите.

– Хорошая ты девчонка, Дашуха. Ну, ладно, расти большая, да пусть найдётся тебе жених хороший! А, жених-то у тебя ведь есть уже! Тогда чего – мужика хорошего, чтоб любил и жалел.

– Ладно, я так ему и скажу!

– Кому? – насторожился Костик.

– Ну, кто мужем будет, тому и скажу, – улыбнулась Даша.

– А-а-а, – с готовностью заулыбался парень, – я думал, ты про Кирку. С ним ухо остро держать надо.

– Чего это?

– Да он... такой. Шуточки у него дурные.

– Неправда это. Кира добрый.

– Ага, нашла добренького, – недовольно буркнул Костик и машинально потёр пониже спины. – Ты вот ещё чего, Дашуха, погодь-ка... То ли говорить, то ли нет... В общем, тут ещё добренькие водятся.

– Это вы о чём? – вопросительно посмотрела на него Даша.

– Остерегаться тебе надо некоторых...

– Костя, я не понимаю, о чём вы говорите и о ком. Если, правда, чего сказать хотите, то говорите прямо.

– Прямо, так прямо. Алка Елецкая шибко злая на тебя из-за Кирки. Ну... что он с тобой ходит, а не с ней. Так ты, того, остерегайся её. Она дура и стерва, от неё любой пакости можно ждать.

Даша поморщилась:

– Костя, Алла, конечно, не подарок, но всё равно, зачем вы так? Кирилл у вас плохой, Аллочка – тоже, – она пожала плечами: – А кто хороший-то, по-вашему?

– Ты хорошая, Дарья. И я честно хотел тебя предупредить. Ладно, извиняй, коль что не так.

Но он всё стоял, строя какие-то непонятные гримасы: то поджал губы, то растянул их в виноватой улыбке, дёрнул плечами, потом сдвинул на лоб вязаную шапочку и почесал в затылке:

– А мож, это я дурак и есть, Дашуха, – неожиданно подытожил он свои ужимки, повернулся и пошёл прочь.

Когда Даша упомянула об этой встрече, Кирилл нахмурился:

– Опять этот придурок к тебе цепляется? Я же сказал, чтоб близко даже не подходил.

– Кира, да нормальный он парень, слишком уж ты к нему равнодушен, – засмеялась Даша.

– Пустозвон и брехло, – упрямо возразил Кирилл. – Неужели ты не видишь? Едва рот откроет, жди глупости или пошлятины какой.

– Да ничего подобного. Он даже добрый совет дал, решил меня предостеречь.

– Это от кого же? Уж не от меня ли тебя опять спасать начали?

– Нет, не от тебя. От Елецкой. Сказал, что Аллочка злится на меня и может сделать какую-нибудь гадость.

– Алка?! – удивлённо переспросил Кирилл. – С чего это он взял?

– Не знаю, – пожалла Даша плечами. – Да нет, это в самом деле ерунда. Ничего она не злится. Вот раньше, да, было.

– Хм-м, но с чего-то же Костик это взял. Надо мне с ним поговорить.

– Кира, – Даша поморщилась, – не обижай его, по-хорошему, ладно?

– Да не переживай ты за него, Дашунь, – засмеялся Кирилл. – Обещаю, что останется твой Костик живой и невредимый.

– Во-первых, он не мой, а во-вторых, ты к нему несправедлив. Он слабохарактерный. Найдётся хорошая девушка, которая в руки его возьмёт, он женится, и всё у него будет как у людей. Вот увидишь.

– Хорошая девушка? Да с ним вообще никто ходить не хочет, одно слово – Костик Шальный.

– Вот-вот, поставили клеймо на человека, а самого человека перестали под ним видеть. Потому он и лезет из кожи, чтоб увидели, заметили.

Кирилл про своё намерение поговорить с Костиком не забыл, и при первом удобном случае, когда рядом не было жадных до новостей и гораздых до сплетен языков, задал ему вопрос.

Случилось это в автомастерских, где Костя трудился слесарем, а Кира зашел забрать кой-какой инструмент. Дело было перед самым обедом, слесаря разошлись, кто домой, кто в столовку, в общем, кто куда. Один Костик замешкался на своё несчастье, хотя сроду не водилось за ним такого усердия, ну как вроде тому и быть – глаза поднял: вот он, Кирка, нарисовался – не сотрёшь.

– Здорбо. Ты не знаешь, где тут Михалыч для меня ключи оставил?

– Вон, у тисков лежат.

– А, вижу. Костик, я всё спросить хотел, ты чего-то Даше насчёт Алки говорил?

Тут Костя и струхнул. Одно дело с Дашкой разговоры вести, даже приятно почувствовать в себе некое благородство защитника. И совсем другое – этот вот, дурной... сила есть – ума не надо. Как ему сказать, на что Аллочка его, Костю, подбивала? Кто его знает, Кирку, какая дурь ему в голову вдарит? А ну как с Елецкой разборки устроит? А для начала вложит горячих ему? Да на кой чёрт надо такое счастье?! Ох, язык поганый! Ведь мог бы сообразить, что Дарья передаст весь разговор Кирке, ой, придурок! Теперь хоть так, хоть так – всё одно крайним будешь. Вот и выбирай между хреном и редькой.

Всё это мигом пролетело в голове у Костика, тогда как он старательно крутил чего-то в моторе, склонившись так низко, что лица его Кириллу видно не было. Потом Костя разогнул спину, и, вытирая ветошью руки, испачканные солидолом, поглядел на Кирилла.

– Да так я... Показалось.

– Чего тебе показалось? Когда?

– Ну... когда-когда... Алка-то перед тобой хвостом мела, что, нет, скажешь? Это ты хоть кого спроси. А ты ей ноль вниманья, два презренья. Нет, скажешь? Так, думаешь, её теперь не берёт зло, что ты с Дарьей, а не с ней.

– Ты чего-нибудь слышал или видел? Почему ты заговорил об этом с Дашей?

– Да ничо я не слышал! У меня своей головы нет, что ли?

– Ох, Костик, ты Костик... Ты, конечно, голова, это хоть кто скажет. Только догадки свои, на будущее, держи при себе, идёт?

– Ну, я как лучше хотел, – пожал Костя плечами.

– А если сильно захочется рассказать чего, то давай прям мне, договорились? Про Дашу я тебе говорил уже. Помнишь?

– Помню-помню, – заторопился заверить Костик. – А я ей что? Я ничего плохого ей...

– Дак и не надо Даше от тебя ничего: ни плохого, ни хорошего. Держись от неё подальше, в следующий раз я ведь могу не быть таким смиренным. Дарье спасибо скажи.

На том они и расстались. Костя не верил, что удалось так легко отделаться от Кирилла. Он радовался и злился на себя, на Кирку и даже на Дарью – ведь он ей сказал, не Кирке! Но одновременно чувствовал что-то неожиданно тёплое к ней: «Ишь как – Дарье спасибо скажи! Вот так тебе, дуrolом рукастый, – думал он про Кирилла, – нашлась на тебя управа! Молодец, кнопка! Ну, а что передала разговор... Дак, а как? Тоже правильно. Но теперь всё, не дай Бог ещё какое слово вякнуть! Лучше язык откусить. Про меж Алки и Кирки оказаться – нет уж, ваши разборки мне нужны как прошлогодний снег. Да и не сделает ничего Алка, при таком-то стороже Дарья как в швейцарском сейфе».

Кирилл тоже некоторое время размышлял ещё об Костике, об Аллочке, и пришёл к выводу, что пустое всё, дурацкие Костикины фантазии. То ли он перед Дашунькой хотел выставиться («И не без успеха», – улыбнулся Кирилл), то ли... а Бог его знает, чего взбрело в пустую голову!

Алка... да, тут Костя прав, не раз парни посмеивались над Кириллом, наблюдая, как Аллочка строит ему глазки да шмыгает туда-сюда мимо, при том едва не задевает его. Кириллу её ужимки все ясны были, то забавляли, то раздражали, но, в общем-то, он мало обращал на неё внимания: «Дурочка молодая. Мнит себя Мальвиной, да и пусть играет, ему-то что».

Но то было раньше. Теперь Алка повзрослела, и это ей пошло на пользу, перестала дурью маяться.

Эх, не почуял Кирилл, как сильно он ошибается. А ведь тот разговор с Костиком Шалым мог переменить многие судьбы.

Глава 11. Моделирование процессов

Галину Георгиевну подвело чутьё психолога, которое она ценила высоко и которому привыкла доверять. Думала, что Аллочка со всеми думками и желаниями своими как на ладони ей, матери, видна, а получилось, что дочку она знает плоховато.

Хотя совет её пришёлся в точку: от Аллочкиного уныния и следа не осталось. Теперь была она весела, смешлива, глазки опять заблестели.

По вечерам, укладываясь в постель, она звала капризно:

– Мам! Ты что ли ко мне не придёшь? – ей не терпелось посеCRETничать с матерью и рассказать все впечатления прошедшего дня.

Она совсем с другим настроением, даже с удовольствием, рассказывала про то, что прежде её до слёз раздражало: например, как Кирилл встретил Дашку из школы, как позвал к себе в машину. Аллочке очень понравилась игра в перевертыши – перетолковать увиденное на свой лад, высмеять язвительно. Она не упускала ни малейшей возможности поиздеваться над соперницей, а поскольку на людях продолжала с успехом играть придуманную себе роль, то настоящей могла стать только при матери. Вот ей Аллочка и рассказывала, хихикая, какое старое пальто у Дашки, как она оделась на школьный вечер, какая она королева неуклюжая, потому что запнулась и чуть не растянулась посреди зала у всех на виду... Разговоров таких было не переговорить и не переслушать.

Галина Георгиевна делала из них свои собственные выводы, и хоть получалось не совсем то, на что она рассчитывала, однако печалиться повода не было. Просто Аллочкино «кино» не кончилось, она потребует продолжение сценария.

– А чего это она такая неуклюжая стала?

– А, – отмахнулась Алла, – носится, земли не чует. Думает, что крылышки отросли, порхать можно. Ну, вообще-то там гвоздь в полу торчал.

– А как ты думаешь, они живут уже?

– Э... как живут? Нет, Кирка дома живёт, а Дашка с матерью.

– Ну, Аллочка, ты у меня не от мира сего. Я имею в виду, как муж с женой.

– Фу ты! Так бы и говорила: спят или нет? – Аллочка фыркнула, мигом заставляя мать откинуть умильную мысль: «Да ты у меня ещё ребёнок совсем! Девочка моя невинная!»: – Скажешь тоже! – снисходительно хмыкнула Алла: – Я ведь говорю тебе – Дашка, это мышка серая.

– Такие мышки на многое способны, – пожала плечами Галина Георгиевна. – А Кирилл... На Казанову, конечно, не тянет, но и не мальчик ведь. А зов природы, он, знаешь ли, мощный.

– Ты что, хочешь сказать... – Алла нахмурилась.

– Да я ничего не хочу сказать, я просто спросила.

– Ну уж нет! Да я ей глаза выцарапаю, если она в постель Кирку затащит! Ты, мамусик, из меня кого хочешь сделать? Всепрошённицу какую-нибудь? Ага! Как раз для меня должность! Короче, финиш! Всё. Ты придумала чего-нибудь или нет? Или хочешь, чтоб я до конца жизни на них любовалась? На голубков на двоих! Имей в виду, – их воркование я буду терпеть до поры до времени. Может, мне уже завтра надоест. Так что всё – давай, придумывай что-нибудь поинтереснее!

Галина Георгиевна привыкла вмешиваться в человеческие судьбы. Как часто только от неё зависело чьё-то счастье и несчастье. Закон что? Её опыт позволял ей с лёгкостью с законом «договариваться». Со временем она даже вошла во вкус, манипулируя чужими жизнями. Так иной врач со временем вдруг получает странное, садистское удовольствие, причиняя боль пациенту. Избави Бог попасть к такому «гурману».

Увы, Галина стала похожа на такого врача. Она начала получать удовольствие от сложных случаев в своей прокурорской практике. Причём сложными они были не от того, когда, например, из-за нехватки улик мог избежать наказания явный злодей. Наоборот, когда всё было просто и ясно, но прокурорше требовалось обелить чёрное или очернить белое. Причины такой необходимости были разными: нужный человек слово замолвил, родственники заплатили... Но был и просто интерес, момент «игры».

И вот сейчас к такой игре требовательно подталкивала дочь. Пусть ситуация никак не касалась профессиональных сфер прокурорши, но, может быть, тем заманчивей. Вмешаться в чужую жизнь и выстроить по своему желанию. Тем более – жизнь Кирилла! Это не какой-нибудь Костик Шалый. Тут есть над чем поработать. Хочет Аллочка замуж за него? А что, пусть позабавится девочка. Кирилл хорош для этого. К тому же, проучить его не мешает – Аллу нельзя считать пустым местом. А девочка пусть почувствует вкус от умения манипулировать людьми, ей в будущем это пригодится.

И Галина Георгиевна взялась за дело.

Нужная ситуация, старательно и осторожно подправленная ею, сложилась в начале марта, как раз в канун Женского Дня. Ну, если совсем откровенно говорить, то этот «удобный случай» на добрую половину развивался по сценарию Галины Георгиевны. Она давно поджидала события, которое послужит паровозом, ей останется нацеплять к нему своих вагончиков, и пусть вытягивает.

Таким паровозом стала свадьба. Тимоха, друг Кирилла с малолетства, – они потом и в школе вместе учились – собрался жениться. Свадьба затевалась большая, с размахом. А с размахом – это значит, одним днём не обойдёшься, известное дело, как на селе свадьбы играют. Потому и выбрали праздничный день, а следующие за ним выходные будут как нельзя более кстати.

И вот, подготовка к свадьбе шла своим чередом, решались проблемы большие и малые. А одну из них неожиданно-негаданно помог разрешить директор сельского Дома Культуры. Встретился с ним Тимка случайно. Поздоровались, остановились словом перекинуться.

– Значит, Тимоха, сдаться решил?

– Да чего – нагулялся, хватит, – с глуповатой улыбкой счастливого человека ответил парень.

– Светланка у тебя молодец. Хорошая жена будет. Гостей-то много зовёте?

– Ох, много получается, – радостно пожаловался без пяти минут супруг. – Только со стороны Светки родни да подружек сколько! Не знаю, куда и садить будем. Летом бы хорошо – на дворе столы поставил, палатки от солнца натянул и гуляй – не хочу!

– Слушай, Тимка! Дак чего ты молчишь? Давай вон в клубе свадьбу вам сыграем! Куда ещё лучше? Места вдоволь, столовая рядом – возьмём у них столы-стулья. Это без проблем, я сам договорюсь. Нет, правда, это мысль! А?

– Я и не знаю... Мы как-то не думали.

– Так подумайте! Да сам-то не видишь что ли? Гардероб есть – одежда не будет горой валяться. Гримёрка, подсобки – простор, никакой тесноты. А туалет! Это тебе не сортир в огороде на одно очко. И по времени, смотри, как хорошо получается: восьмое в четверг. Вы же на четверг свадьбу назначили, да? – завклубом вопросительно посмотрел на жениха.

– Ну да, конечно.

– Вот, как раз – в среду вечером в клубе отведём торжественное собрание и концерт. Но это всё в кинозале. А где вечера проводим, тот зал будет в это время свободен и в полном вашем распоряжении. Ставьте столы, плакаты вешайте, ну, всё, что хотите. На четверг-пятницу я вам запросто клуб отдаю. А дискотеку перенесу на выходные.

– И сколько эта радость нам стоить будет?

– Да нисколько! О чём речь? Ты же у нас вон на каком счету, тебя ценят, во всём навстречу пойдут. И Светланка тоже не со стороны, наша, сами такую невесту взростили! Так что – всё как надо.

– Не пойму я – тебе-то зачем такие хлопоты?

– Да мне-то какие хлопоты? – засмеялся начальник по культуре. – Я только помещение сдал-принял. А польза есть – я мероприятие в отчёт себе запишу: в Международный Женский День провели комсомольскую свадьбу. Да не пугайся, это же на бумаге только! Нормальная у тебя свадьба будет. Никакой мне корысти с того нету. Просто хочу доброе дело сделать.

Ну, насчёт «просто» он не совсем искренним был. Не его это была идея. А чья, об этом никому не надо знать. Однако, жениха это никоим образом не касалось, для него радушие завклубом и, в самом деле, было очень выгодным и разом снимало кучу проблем. Родители молодых живенько свою выгоду смекнули и ухватились за щедрое предложение. В чём Елецкая и не сомневалась.

... Кирилл посигналил, увидев впереди Тимку – тот шёл по обочине дороги.

Приятель обернулся, разулыбался, махнул рукой: «Стой!»

– Здорово! – Кир высунулся из окошка. – Далеко наладился? Садись, подкину.

– Да я до магазина вон, но ты мне очень нужен! – сообщил Тимка, устраиваясь рядом с Кириллом. – Я как раз сегодня хотел к тебе домой идти. У меня к тебе дело на миллион!

– У всех на миллион.

– Не, правда.

– У всех правда.

– Ну, ты зануда! – расхохотался Тимофей, живо вспомнив, как доводил его Кир в детстве этой сказкой про Белого Бычка, а ещё более – своей нерушимой, непробиваемой невозмутимостью.

– Помнишь? – засмеялся Кир.

– Ещё бы!

– Давай своё дело.

– Кир, будешь у меня свидетелем?

– Опаньки!

– Так согласен?

– Э-э-э... Тимка, ты извини, но мне как-то не особо хочется.

– Ну ни фиги себе! А кого я возьму в свидетели?

– Да хоть кого из наших. Хочешь, я сам найду?

– Нет, ты погоди. Я так рассчитывал на тебя.

– Тим, ну, как я Дашуньку одну оставлю?

– Так мы её тоже приглашаем!

– Ну и что? Дружка на свадьбе – человек подневольный. Буду я твою невесту сторожить, а на Дашуню издаля поглядывать.

– Ох, и попался ты в капкан, Кира! – засмеялся Тимка.

– Да из такого капканчика я согласный век не вылазить.

– Я уж думал, ты вперёд меня свадьбу сыграешь.

– Нет, мы ещё маленькие. Нам ещё расти да расти до свадьбы.

– Неужели будешь ждать, пока вырастет?

– А это, Тимка, забота не твоя, – улыбнулся Кир.

– Да я что? Я только рад за тебя. Но, знаешь, удивительно, как эта кнопка такое сотворила с тобой?

Кирилл на это только молча улыбался.

Никакого труда не стоило Галине Георгиевне выяснить, что Кирилл и Даша оказались в числе приглашённых на свадьбу. Чуть позже точно такое же приглашение получила

и Аллочка – ну и что, подумаешь – позже! Она гостя желанная, весёлая, на стуле, как приклеенная, сидеть не будет – танца единого не пропустит! Да чего там – Аллочка любому празднику главным украшением станет.

И всё бы хорошо, да во всевозможных приятных ожиданиях – и праздника, и свадьбы – не замедлила объявиться ложка дёгтя: школьную художественную самодеятельность пригласили в соседний район, выступить с концертом после торжественного собрания. Сам по себе факт не удивительный – самодеятельность в школе сильная, даже спектакли вон какие ставят! Им овации устраивают, как настоящим артистам. Коллектив не только в своём районе знают, их частенько зовут в гости, и с удовольствием. А как раз к этому празднику ребята программу приготовили новую, грех, если только для своего села, для одной сцены! Но плохо то, что выезжать артистам надо как раз в тот день, на который свадьба намечена. Нет, ну свадьба-то от этого не пострадает, конечно, всего несколько приглашённых не придёт, в изобильном количестве гостей ущерб как бы не так и велик. Да гость гостю рознь, так что не числом считать надо, а качеством.

К счастью, почти всё уладилось. Ребятам сообщили, что заведующий отделом культуры созвонился со своим коллегой из того района, приглашающего. Тот к возникшей проблеме отнёсся с пониманием и пообещал устроить так, что мероприятие перенесут на более раннее время: артисты своё дело сделают и пораньше домой вернутся, ещё успеют явиться на свадьбу друзей.

Таким образом, огорчение Кирилла несколько смягчилось. И хоть поначалу он категорически заявил, что без Даши никуда не пойдёт, потом всё же позволил ей уговорить себя:

– Кирюш, иди, а то совсем нехорошо получится. Обидится Тимка: сначала дружкой быть отказался, а потом и совсем не пришёл. Ты же ему друг, а не просто так, десятая вода на киселе. Я тебе обещаю, как только мы вернёмся, я тут же прибегу, честное слово!

Однако к началу торжества вернуться не получилось. Кирилл до самой последней минуты стоял на ступеньках у входа, хотя уже и жених с невестой приехали, и со всякими шутками-прибаутками шумно проводили их, усадили за стол, и родители поздравили, матери слёзы утёрли, а отцы, непривычно нарядные и торжественные, предложили гостям выпить за молодых. Дольше на дворе оставаться было неприлично, Кирилл прошёл к своему месту – стул рядом с ним остался пустым.

Поначалу, как это и бывает при любом застолье, гости были несколько скованны, хозяйева потчевали, тамада призывал наполнять стопки, говорил длинные тосты, которые почти никто не слышал. Жених с невестой выглядели смущёнными, негромко переговаривались со свидетелем и свидетельницей. Когда закричали «Горько!», невеста покраснела, и посмотрела на гостей укоризненно. Но гостям нужны были не её укоризненные взгляды, и они не успокоились, пока не добились желаемого.

Кирилл тоже кричал «горько», и хлопал в ладоши, и смеялся... а на месте невесты видел не Светлану.

Прошло немного времени, смех зазвучал свободнее, шутки тамады стали куда веселее, а разговоры за столами приобрели столь оживлённый характер, что тамаде приходилось теперь долго простить тишины. Потом зазвучала музыка, стулья опустели: кто пошёл танцевать, курильщики потянулись в фойе. Кирилл опять вышел на улицу – проветриться и послушать, не донесётся ли шума мотора.

Вечерело. Рабочий день сегодня, перед праздником, был короткий, технику всю давно поставили на прикол, и потому никакие лишние звуки не омрачали сельской идиллии.

«Что могло случиться?» – думал Кирилл, поглядывая вдоль улицы, откуда должна была появиться Даша. Более всего хотелось сейчас Кириллу завести свой грузовик и поехать навстречу. Вот Даша удивилась бы и обрадовалась!

Кирилл вдавил в снег окурок, повернулся и пошёл назад, в веселье чужой свадьбы.

Он напрасно переживал, что автобус сломался и застрял где-нибудь в дороге, – артисты из бригады школьной самодеятельности пребывали в тепле и холе... вот покоя им, правда, не хватало. Выступление их даже ещё и не начиналось. Шло торжественное собрание с долгим и скучным чествованием лучших доярок, овощеводов, работников торговли и прочее и прочее.

Школьники к тому времени уже смирились с неизбежным, их растерянность, возмущение и попытки «добиться правды» были теперь в прошлом. А что оставалось делать, когда на все вопросы и претензии звучал столь же недоумённый ответ: «Ребята, вы что-то путаете! Никто от вас не звонил, ни о чём не просил! И никуда мы вас не отпустим сегодня, вы что? Уже и так стемнялось, а пока суть да дело, ночь на дворе будет. Какая дорога ночью? Мы уже и об гостинице позаботились, и об ужине. Спокойно переночуете, а утром домой – вот такой уговор и был. Вы уж там дома у себя разберитесь, а мы не при чём!»

Ну, что в такой ситуации можно сделать? Как не огорчены, не расстроены, а назад не поедешь. Коль с концертом приехали, значит, пойте да пляшите, веселите народ, а чего там на душе – это артистам наружу выпускать не положено.

Глава 12. Жестокие игры

В дверях Кирилл едва не столкнулся с Аллочкой. Она молча посторонилась, уступая ему дорогу. Кирилл прошёл мимо, а потом обернулся – уж очень не похожа она была на саму себя. Даже глазками своими его не расстреляла, как это обычно бывало. Будто вообще не заметила его.

Впрочем, Кирилл тут же забыл о ней. Тамада стал созывать гостей за столы – тётка невесты с большим передником-карманом готовилась обходить гостей, собирать подарки. За ней шла парочка бойких помощников с закусками на подносе и стопкой – одарил молодых, тебе уж полную стопочку подносят с шутками да прибаутками. Хошь не хошь, а за молодых пей до дна, чтоб сладка жизнь у них была, зла не оставляй.

Соседи у Кирилла попались шумные, весёлые – одна бутылка опустела, другая.

Кирилл тоже компанию не ломал: на свадьбу пришёл, не на похороны, так неча бирюком сидеть. Да и то сказать, ему несколько стопок, как слону дробина, чтоб такую силушку с ног свалить, это много выпить надо. К тому же он сиднем не сидел, то и дело выдёргивали его танцевать. Пользовалась прекрасная половина гостей, пока Дашуньки рядом нет. Он и так последнее время прям как схимник какой, будто кроме Дашуни и света нету вокруг. Ну, это их дело, отбивать его никто не собирается, но моментом не попользоваться – это тоже грех.

А Кирилл что? Отнекиваться да отказываться, на смех себя выставить – нету такого в заводе, чай, не хромой. А на свадьбе тем более, там и одноногий запляшет. Да только Кир нет-нет, да глянет на двери в беспокойном ожидании.

И вот, когда после очередного танца соседи позвали его к столу стопку с ними за компанию поднять, а потом пошли покурить, рядом с Кириллом откуда ни возьмись, появилась Алла.

– Кира, извини, можно я тут посижу, с тобой?

Он посмотрел на неё и удивлённо спросил:

– Ты чего такая?

– Да ну... Цепляются, сволочи.

– Кто?

– Тебе-то что за дело? Заступаться пойдёшь, что ли? – неожиданно зло бросила Алла. – Ой, извини, Кир. Не слушай. И не надо ничего... Разреши только посидеть с тобой. Они потом не будут больше цепляться, – Аллочка усмехнулась: – Этим щенкам и вида твоего хватит.

– На, вытри глаза, – протянул ей Кир салфетку. – Краску размазала.

– Ой, правда? – смущённо рассмеялась Алла и начала старательно тереть вокруг глаз. – Всё?

– Ещё немного.

– Где? – подставила Аллочка лицо.

Кир провёл пальцем по её щеке.

Правда, странная, на саму себя не похожа. Не манерничает, не ломается – ведь и посмотреть приятно, когда не кривляется.

– Знаешь, Кира, – медленно поведя глазами по танцующим, смеющимся людям, проговорила вдруг Аллочка, – мне сегодня тоже плохо, как и тебе.

– С чего ты взяла, что мне плохо?

– Ну, одиноко. Нет разве? Мне показалось. Да придёт Даша, не переживай. И всё у вас будет хорошо. А у меня... – она вдруг взяла бутылку и плеснула себе в стакан. Помедлила, отодвинула:

– Домой пойду. Тошно мне сегодня. Потанцуй со мной, Кира, а? Пожалуйста.

Она и в танце вела себя необычно: будто вовсе и не Аллочку Елецкую держал Кир в руках – она даже головы ни разу не подняла, не взглянула на него. И вдруг всхлинула.

– Эй, ты что? Вправду обидел кто?

Она замотала головой, не поднимая глаз.

– Всё. Хватит. Проводи до гардероба, а? Не бойся, до дома провожать не попрошу, таких больших жертв мне не надо.

Пол в фойе был выложен плиткой, и Аллочка, поспешно цокая своими каблукками, поскользнулась и едва не упала.

– Да что за день такой?! Чёрт! – едва не плача, пролепетала она.

Алла стояла, опираясь на стенку и поджав ногу.

– Что? Та-а-ак, – протянул Кир, когда Алла ступила на ногу и сморщилась, ойкнула. – Чего с тобой делать?

Алла беспомощно осмотрелась:

– Я... это... Я не дойду. Надо позвонить домой. Отец приедет.

– А где тут телефон?

– Наверно, у директора, в кабинете. – кивнула Алла на дверь неподалёку.

– Закрыто, наверняка, – Кирилл подошёл, толкнул ладонью, подтвердил: – Закрыто.

– А, может, посильнее нажмёшь? – улыбнулась вдруг Аллочка.

– Да ну. Крику потом не оберёшься.

– Брось, Кира. Мама ему объяснит, что действия твои были точно в соответствии с необходимостью. Давай, Кира, я за всё отвечаю. Позвоним, и ты от меня избавишься. Можешь, конечно, сам меня домой доставить, мне это только в удовольствие. Да ведь завтра же наплетут Дашуне невесть что. Мне на такие разговоры плевать, а тебе? – насмешливо глянула Алла. – Давай лучше до телефона как-нибудь доберёмся, всем проще будет.

Всё ещё с сомнением Кирилл взглянул на замок, на дверь – в широкую щель был виден язычок замка. Кир взялся за ручку и слегка потянул её от косяка. Дверь легко подалась в сторону, язычок вышел из прорези металлической пластины и – всё. Кирилл не ожидал, что это будет так просто, он ведь ещё и не собирался ничего открывать, так только, руку положил, можно сказать.

– Ты молодчина! – широко улыбнулась Алла.

– Вот чёрт! Я и не хотел.

– Ой, да ладно тебе! – Аллочка оглянулась. – Давай быстренько, пока нас на взломе не застукали! Помоги мне. Вот так. Всё. – Аллочка помахала рукой: – Закрой дверь. А то придут, разборки начнутся: кто, зачем, да почему?

Она набрала номер телефона, послушала и раздражённо ткнула кнопку отмены вызова:

– Ну вот, всегда так: когда край надо, никогда не дозвонишься! Занято! – сообщила Аллочка и осмотрелась: – Ишь ты, уютно устроился, и телевизор тебе, и диванчик. Ой, Кир... не уходи, а? Побудь со мной минуточку, я сейчас перезвоню. Не оставляй меня одну... знаешь, меня и так сегодня бросили, – Алла хмыкнула.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Не знаешь, как девчонок бросают? Выкинули, как надоевшую собачонку.

– Ты же ни с кем не ходила, – удивился Кирилл.

– Есть у меня парень... был. Не здесь. Уже больше двух лет. А сегодня позвонил – у него свадьба скоро.

– Сочувствую. Ну, значит, не твоя половина.

– Ты, правда, сочувствуешь? Спасибо, Кир. А только... где же моя-то половина?

– Найдётся. Не торопись.

– Обидно. Особенно когда совсем рядом чужое счастье, перед глазами. Глядишь и, хочешь не хочешь, а думаешь: «Чем я-то плоха? Недостойная».

– Тебе ж не сорок лет, чего так горюешь?

Аллочка чуть улыбнулась:

– Я знаю, ты меня... не сильно хорошего мнения обо мне.

– Да нормального.

– Нет-нет, я без обиды, я и сама знаю, что дура я. Но знаешь... дурам тоже больно бывает.

Ой, да ладно, Кир, разнюнилась я тут перед тобой, а оно тебе надо? – Она поморщилась и отвернулась. И тут же хмыкнула насмешливо: – Посмотри-ка!

Аллочка кивнула на столик в углу – на хрустальном плоском блюде стояла бутылка коньяка и чистые стаканы.

– Это наверняка ему от свадьбы подарок. Слушай, Кир! Давай, выпьем по чуть-чуть!

Она ловко допрыгала до столика, Кирилл и сказать ничего не успел – быстро скрутила колпачок.

– Алла, ну зачем ты? Это же не твоё!

– Да ладно! Семь бед – один ответ! Я хочу выпить! Мне надо! И ты выпей со мной, если по правде сочувствуешь!

Глаза у неё вдруг наполнились слезами, Алла зло смахнула их и виновато сказала:

– Не хочешь за моё пить, давай за вас с Дашуней выпьем. Бутылка-то всё равно уже открыта. Пусть у вас всё будет, как надо.

Аллочка, не слушая возражений, налила Кириллу коньяку на треть стакана и себе плеснула.

– Кира, ты вот со мной побыл несколько минут, поговорил, поглядел, как на человека, мне и легче стало. – Хороший ты парень, Кир. За вас. Только не говори больше ничего. Просто выпей со мной.

...Где-то рядом раздавались странные, неуместные звуки – Кирилл открыл глаза.

Лицо его почему-то утыкалось в бесформенные пёстрые пятна грязноватых цветов. Он неловко заворочался, и пятна трансформировались в рисунок ковра. Мысли путались в вязком сером тумане, и, как просветление явилась догадка, что, оказывается, он на полу лежит, прижимаясь щекой к ворсу ковра. Мутило, и Кирилл опять прикрыл глаза, в надежде, что сама собой выплывет ещё какая-нибудь мысль и всё станет ясно: почему он валяется на полу, почему ему так дерьмово, кто и по какой причине плачет где-то неподалёку.

«Плачет?..» – это переместило рассеянное внимание Кирилла чуточку дальше, за пределы собственного тела, валяющегося на ковре непонятно где и почему. Он через силу поднял тяжёлую, будто свинцом налитую голову.

В глаза ударила матовая белизна обнажённого тела, а потом уж он разглядел, что в дальнем углу дивана, скорчившись и уткнувшись в какое-то тряпье, всхлипывает Аллочка. Всё ещё ничего не соображая, Кирилл сел и тупо уставился на девчонку. И тут Алла вскинула заплаканное лицо в разводах чёрной туши под глазами и проговорила:

– Гад! Скотина!

Сказано было с яростью, с ненавистью, но голос вздрагивал, и получилось жалко. И вот эта жалкость, беспомощность окатила Кирилла как ведром ледяной воды.

– Что случилось? – голос был чужим и хриплым, Кирилл сам его не узнал.

– Что случилось?! Ты спрашиваешь?! – от ярости Алла даже плакать перестала. – Сво-лочь ты, вот что случилось!

– Ерунда какая-то... – растерянно проговорил Кирилл и неловко поднялся на ноги. И тут обнаружил, что одежда его в большом беспорядке. – Да что тут за... творится?! – выругался он, внезапно охваченный бешенством от невероятности единственно подходящего объяснения, от того, что ничего не мог понять или хоть вспомнить: что же было-то?

– Оденься! – он болезненно поморщился, настолько нагота Аллочка была неуместной, ненужной.

– Во что?! – зло выкрикнула она и швырнула в Кирилла какую-то бесформенную, рваную тряпку. – Это кофта, между прочим! Была!

Какая-то манерность почудилась Кириллу то ли в голосе её, то ли в глазах, и он с холодным бешенством проговорил, глядя на неё:

– Оденься!

Глаза Аллочки медленно наполнились слезами, и слёзы перелились через край, потекли по щекам.

– Эх, ты... Я думала, кому-кому, но тебе-то... А ты... ты хуже всех...

Кирилл сжал голову ладонями, пытаясь собрать аморфные мысли, – он ничего абсолютно не помнил. Неужели... действительно?..

– Я ничего не помню, – глухо проговорил он. – Я ничего не помню! – повторил он уже со злостью.

– Не хочешь потому что. Зверем себя помнить не хочешь, – опять всхлипнула Алла. – Я думала, ты убьёшь! Кир... отпусти меня, – движения её вдруг сделались лихорадочно торопливыми, – я уйти хочу!.. Отпусти!

Она соскочила с дивана, начала торопливо одеваться – порванные колготки, разорванная юбка... Господи, неужели он это сделал?!

– Подожди... – он тяжело поднялся.

Аллочка отпрянула в угол, прижала к груди тряпье:

– Да не подхожу я.

Он сел на диван, сжал голову руками: «А что – подожди? Что можно спросить такого, чтоб всё это исчезло: всхлипывающая Аллочка, её разодранная одежда?»

За дверью грохотала музыка – свадьба гуляла. Алла, прихрамывая, подошла к двери и остановилась, прислушалась. Потом оглянулась на Кирилла:

– Мне что, вот так и идти? У всех на виду?

Позже Кир не мог вспомнить, встретился ли ему кто, когда он шёл в гардероб, разговаривал ли кто-то с ним. Вязкая, тошнотворная муть обступала его, до предела сужая пространство, и чтобы прорвать её, нужно было напряжение мысли и воли, а Кир сейчас и в этом узеньком пространстве разобраться не мог, и даже в себе самом ничего не понимал. Он с трудом отыскал Аллочкино пальто.

В кабинете он открыл шпингалеты на окне и толкнул створки. Рама затрещала, посыпалась сухая замазка закупоренного на зиму окна, и оно распахнулось.

Кирилл стоял по колено в снегу и озирался, вяло удивляясь тому, что не может сообразить, с какой же стороны Дома Культуры он оказался. В голове вместо мыслей была та же тусклая муть, и мысли вязли в ней. Снег тут давно не чистили. Вон рядом дверь какая-то и дорожка к ней... А, запасной выход. Он бывает открыт даже чаще парадного, через него удобно ходить: магазины ближе, почта, ну и вообще, весь центр.

Кир снял с подоконника Аллу, вдруг полыхнуло воспоминание, что вот так же он держал уже эту девчонку, но тогда вокруг был не снег, а вода... Алла коротко взвизгнула, и Кирилл не сразу понял – почему. Её ноги в тонком капрончике утопали в снегу. Кир выдернул её из снега и опустил на утопанную дорожку.

Обнесло дурнотой, но скоро прошло – на дворе крепчал ночной мартовский морозец, студил голову, и от холода стало полегче. И всё равно – то, что он должен был осознать, было настолько дико, нелепо, что он не мог даже думать об этом.

Мысль о Даше была сейчас невозможной, и Кирилл не подпускал её к себе близко, она чуть-чуть отступала, но оставалась неподалёку, рядом, и при малейшем прикосновении к ней дёргала обнажённым нервом.

Кир вышел на дорогу и побрёл домой. Прошло несколько минут, прежде чем он вспомнил: Алка-то куда делась? Оглянулся, но улица была пуста, поодаль ярко сияли окна клуба, из распахнутых форточек вырвались шумные голоса и слишком громкая музыка.

Глава 13. Утро

Утро облегчения не принесло. Болела голова – ну, это уж чисто небывальщина. Кирилл с трудом мог бы припомнить, когда у него вообще голова болела. Но в мыслях, тем не менее, прояснело. Вчерашнее казалось дурным сном, да только Кир давал себе отчёт – не сон это. И так же твёрдо он знал сегодня – не было у него вчера ничего с Елецкой. И не пьян он был, по крайней мере, не настолько, чтоб валяться на полу и потом не помнить, что творил. Что было в коньяке? Он стоял, приготовленный заранее, как часть разыгранного спектакля под названием «Ты меня изнасиловал». Но зачем понадобилось это Елецкой?

Кирилл уже быстро одевался.

Нет, стоп. Она ведь тоже этот коньяк пила. Хм-м-м... Да, а почему обязательно в коньяк что-то подмешивать? Можно в стакан заранее положить. Она ведь не попросила его налить, сама похромала. «Нога... – Кирилл помотал головой. – Ой, дура-а-ак!..»

В Доме Культуры суетилась родня молодожёнов, вот-вот начнут собираться гости продолжать гулять свадьбу.

Завклубом был у себя, пришёл поглядеть, всё ли благополучно в его ведомстве.

– Привет, Кира! Ты не рановато к продолжению банкета? Народ к десяти пойдёт.

– У тебя вчера тут коньяк стоял. Где он?

– Так это ты двери мне «починил»? Ты сдурел что ли?

– Как сломал, так и сделаю. Я тебя про бутылку спрашиваю!

– Ты чего орёшь-то? Дураком! Про бутылку у тебя как раз надо спросить!

– Она тут оставалась.

– Ну, – завклубом развёл руками, – я тогда не знаю. Нету, сам видишь. Вместе со стаканами унесли

– Вот чёрт! – выругался Кирилл. – А откуда она взялась?

– Да от свадьбы в подарок принесли.

– Кто?

– Это, убей, не помню. Шум, суета, молодожёны как раз приехали. Не помню.

– Чего ж ты домой не забрал?

– Слушай, – рассердился завклубом. – Ты чего пристал, как банный лист к заднице? Прямо допрос тут мне устроил! Я, может, обязан тебе отчёт давать, как и чего я делаю?! Высадил двери, устроил, понимаешь, проходной двор из моего кабинета и погляди на него – кум королю! Похмелиться пришёл! Вон, иди, похмеляйся, чо ко мне-то?

Кирилл вышел из клуба и остановился, его лихорадило. Это было странное ощущение нетерпения: вроде бы ему необходимо было что-то сделать, вот сейчас, немедленно. Как будто он забыл о страшно важном... Ах, если бы он мог прочесть свои смутные беспокойства! Может быть, шестое чувство подсказывало Кириллу, что как раз в эти минуты он более всего нужен Даше! Но Кир мучительное своё состояние объяснил ситуацией, в которую попал нелепейшим образом, осознанием, что спектакль свой Алка ещё не доиграла, а финал его Кирилл предугадать не мог. Он обрадовался, когда заметил девчонку, идущую мимо Дома Культуры, – она была в той же группе самодеятельных артистов, что и Даша, и Кир заторопился её окликнуть.

– Танюшка! – Девушка обернулась. – Вы когда приехали?

– Да вот, только что

– А вчера почему не вернулись

– Да там неразбериха какая-то получилась. Мы думали пораньше выступить – какое там!

У них в девять только собрание началось. Вот и оставили нас ночевать

– А Дашуня...

– Она домой пошла.

Кирилл, стараясь ни о чём не думать, пошёл к дому Даши. Он не знал, что скажет ей, и скажет ли. Он не мог думать об этом разговоре, придумывать слова и фразы... он просто хотел увидеть сейчас Дашу, это было крайне нужно ему, и он шёл к ней. А что будет потом... Кир почему-то был уверен, что глядя в Дашины глаза, он поймёт, будет знать, как и что надо сказать ей.

Но дома Даши не оказалось.

– Нет, Кирюша, не приехала ещё. Я уж что-то тревожиться начала.

– Они приехали, я сейчас Танюшку Суркину видел. Она сказала, что Дашуня домой пошла.

– Приехали, ну, слава Богу! А то мне как-то не по себе стало, всё утро только в окошко и выглядываю. Ты куда, Кира? Да подожди, она вот-вот подойдёт. Наверно, остановил кто-нибудь по дороге.

– Я лучше встречу.

– Ну, как хочешь. Тогда вот что... Я обещала Любаше-фельдшернице платье сегодня доделать и сразу принести. Это её наряд на второй день свадьбы, на сегодня то есть. Раньше-то никак не получилось, столько заказов к этой свадьбе было! Так я к Любаше, а ты Дашуньке скажи, где я. Я мигом, туда и обратно.

Он так и не узнал, каким образом Елецкие перехватили Дашу по дороге, кто это был и что говорил ей, но Даша вместо дома оказалась у них. Ох, да наверняка не потребовалось каких-то невероятных ухищрений. Скажи ей, что Алка при смерти и хочет, чтоб её Даша причастила, Дарья и тогда пошла бы, хоть и в растерянности, но ни единый миг не помышляя, что её ведут в западню.

Она этого не поняла и тогда, когда увидела Аллу с красными глазами, в слезах, а мать её, улыбочивая миловидная женщина – это с ней Даша встретилась на улице – обернулась разъярённой бабой.

За всю свою жизнь, пусть и не такую уж долгую, Даше ни разу не пришлось выслушивать оскорбления. Самыми страшными были детские дразнилки. И вот сейчас на неё обрушилась чёрная чудовищная площадная брань, нелепые, ошеломляющие обвинения сыпались с двух сторон. «Гадина» и «дрянь» оказалось самым ласковым, что нашлось для неё в словарном арсенале Елецких. Суть же их криков сводилась к тому, что в результате неправильного Дашиного поведения с известным кобелём Кириллом пострадала Аллочка, подвернувшись ему в недобрую минуту. Паршивка трясётся за собственную невинность, а платить за это пришлось Аллочке!

Даша стояла посреди комнаты, белая, как лист бумаги, одеревеневшая, оцепеневшая, а её хлестали чёрной бранью, называя всё скабрёзными именами, а она и слов-то таких прежде не знала, не слышала. И они звучали тем ужаснее, что выкрикивали их женщина и девчонка, с лютой злобой, брызжа слюной в лицо. Она уже была пришиблена, раздавлена, а они всё били и били, упиваясь властью над жертвой, её безропотностью и беззащитностью, сладостной и столь долгожданной мезью. И слова их уже почти не доходили до её сознания, и сквозь звон в ушах она почти не слышала их... Эти короткие минуты, растянувшиеся для Даши в вечность, были самым жестоким уроком за всю её жизнь.

А потом резкий запах нашатыря вернул её к действительности, и Даша услышала брезгливый голос:

– Пошла вон, сучка!

... Кирилл дошёл до центра села, куда, он полагал, довели школьников, и не встретил ни Дашу, ни вообще кого-либо из тех, кто приехал вместе с ней. Площадь опустела, даже автобус уже ушёл в гараж. «Опять разминутись? Куда же она могла свернуть и зачем?» – с недоумением подумал Кирилл и повернул назад – домой-то Даша в любом случае придёт.

Дверь была закрыта на щеколду так, как при нём закрыла её Дашина мать. Кир остановился у ворот, поглядывая вдоль улицы и ощущая всё большее беспокойство, хотя о чём было тревожиться? Даша приехала, куда она в селе денется. Зачем-нибудь к подружке зашла? А может, она решила к нему заглянуть, прежде чем домой идти? Вроде не должна бы... знает же, что мать ждёт и волнуется. А вдруг? Кир потоптался у ворот минут пять и направился домой.

И не знал он, каким чёрным злым вихрем закручивает в эти минуты его и Дашу, и близких им обоим людей. Он не знал, бездействовал, будто выпал в странную зону мёртвого штиля, и зона эта была наполнена тем безмолвием, когда замирает всё живое в последние минуты перед страшным катаклизмом. А вихревые струи уже крутились вокруг него, захватывая, зачерняя всё больше пространства, пока ещё невидимые, неощутимые, но уже шла чёрная лавина урагана, готовая раздавить, снести все на своём пути.

Кирилл отворил дверь в дом, увидел мать, и вид её испугал Кирилла.

– Мам, ты чего? Заболела?

– Кирюша, – со стоном выговорила она и прижала ладони к щекам. – Да что же ты натворил, сыно-о-ок?..

– Кто у нас был? – холодея, спросил Кирилл.

– Да прокурорша, только что вышла. Ты разве её не видел?

Кир припомнил, что когда он свернул на свою улицу, впереди будто бы вильнул в переулок зад легковушки.

– Зачем же ты... с дочкой-то её... Кира?! Что она тут говорила! Боже мой! Боже мой! Ох, Кира-Кира!

Бабушка сидела молча, смотрела на Кирилла, и голова её мелко тряслась.

– Да вы что?! Не было ничего!

– Не было? Тогда с чего бы она так? – возразила мать сокрушённо, но с пробудившейся надеждой: убеди, убеди, что напраслину на тебя сказали. И опять простонала: – Ох, если бы ты только её слышал! Ведь кричала, что посадит тебя!

– Мама, бабуля, я ни в чём не виноват. Честное слово. Успокойтесь. – И вдруг прямо по сердцу полоснуло предчувствие: – Мам... а про Дашу она ничего не сказала?

– Нет. Про Дашу ничего. А что – про Дашу? Да что ж теперь будет-то, Кирюша?

– Ничего не будет. Мам, я сейчас, я скоро.

– Куда ты опять? Ведь только пришёл! Побудь дома, Кира, что-то мне страшно... Пряма душа не на месте, – умоляюще проговорила мать.

– Мне надо Дашу увидеть.

– Ну, ладно, ладно. Иди. Только не пропадай надолго, прошу тебя.

Кирилл и сам всё больше переживал за Дашу, и всё же пошёл он не к ней, а совсем в другую сторону. Ему пришла в голову мысль об одном важном деле, и сделать его надо было поскорее.

Он свернул с дороги на расчищенную тропинку, ведущую к дому с просторной голубой верандой, и уже открыл воротца под заливистый лай рыжей собачонки, но в ограду войти не успел. Дверь отворилась и на крыльцо вышли женщина и мужчина, нарядно одетые, парадные.

– Здорово, Кира, – подходя к Кириллу, протянул руку мужчина. – Ты чего к нам? По делу?

– По делу. К Наталье твоей у меня дело.

– Гм-м-м, – с подчёркнутой многозначительностью протянул мужик, – интересное кино. А я, как, свободен, что ли?

– Наташ, хорошо, что я тебя ещё дома застал, – Кирилл пропустил мимо ушей шуточные слова Володея, мужа Натальи, работавшей в поликлинике в лаборатории. – Возьми у меня кровь на анализ.

– Кир, ты заболел что ли? – возмутился Наташкин супруг. – Сегодня выходной, если ты ещё не знаешь, и свадьба к тому же. Считай, что мы уже на свадьбе. Ушли.

– Так я и со свадьбы могу увести.

– Ишь ты! Ну, способности твои известные, конечно, – значительно улыбнулась Наталья. – А только что за срочность? Чего так приспичило?

– Наташ, я не шучу. Возьми у меня кровь.

– Кирилл, закрыто же всё. Поликлиника, лаборатория...

– Ну пошли, откроем! У кого ключи?

– Да зачем тебе так срочно? Что случилось-то?

– Мне надо, чтоб определили, есть у меня в крови примеси какие или нет?

– Во! Какие ещё примеси? Вчерашняя самогонка что ли? – хохотнул Володей.

– Да погоди ты! – махнула на него Наталья. – Ты про что, Кир?

– К примеру, клофелин или ещё какую дрянь кровь ведь покажет?

– Ладно, пошли.

– Наташ, ну куда ты? – с досадой заканючил сзади муж. – А дома нельзя что ли? Вот пробирки же у тебя есть, и чемоданчик твой медицинский.

– Нет, тут пробиркой не обойдёшься. Надо кровь специальным шприцем взять, а то она свернётся быстро. Да успеем мы, не переживай. Тут, по-моему, дело серьёзное.

Галина Георгиевна пребывала в лёгком недоумении. Она-то была уверена, что держит ситуацию в руках и всё идёт строго в соответствии с её желанием – это она задумывала и выстраивала события. Но происходящее вырывалось из русла её желаний. Нет, вообще-то всё было в порядке – события текли так, как направляла их Галина Георгиевна, но не она захотела придать ровному течению вид бешеного потока. То, что она делала сегодня, выглядело фантазмагорией с налётом безумия.

Когда утром ей позвонили и сообщили, что школьников отправляют домой, Аллочка рассмеялась, а потом заявила:

– Хотела бы я увидеть, как Дашке скажут.

Дома они были вдвоём, супруга Галина Георгиевна заблаговременно отправила к его матери – старуха жила в соседнем районе со старшей дочерью. Вот Галина Георгиевна и распорядилась:

– Поезжай, навести их, с праздником поздравить. Возвращайся в понедельник.

Таким образом, у неё под руками никто не мешался.

– Ну, доча, тут уж я не знаю. Что нам, за ней следом ходить? За кустики, за камешки прятаться? – пошутила она.

Алла поджала губы, а потом вдруг заявила:

– А мы сами ей скажем!

– Это как?

– Перевстреть её, пока она с Киркой не повидалась, и приведи к нам.

– Да ну, Алла, брось. Ни к чему это, право. И я не Джеймс Бонд, чтоб на остановке засады устраивать. Или мне что, на дороге её перехватывать и с автобуса снимать?

– Ой, не говори ерунды! – сморщилась Алла. – Будет она на дороге караулить! Да тебе только распорядиться, и доложат минута в минуту, когда автобус придёт.

– Но её же Кирилл может там встречать, прямо из автобуса.

– А ему-то откуда так точно знать?

– Аля, не хочу я эту девчонку к нам в дом вести!

– А я хочу! Они надо мной сколько издевались? Пусть теперь Кирке в сто раз хуже будет. Вот сколько я могу ему гадости сделать, столько и сделаю. И я хочу каждой минуточкой наслаждаться. Мне было плохо – теперь пусть им плохо будет. Я хочу видеть, как ей плохо. Приведи Дашку!

Галина Георгиевна вздохнула: она слишком хорошо знала свою Аллу, влажный блеск в глазах говорил о том, что надо ждать истерики, и чтобы её прекратить, всё равно придётся уступать Аллочкиному капризу. И Галина Георгиевна сказала:

– Хорошо-хорошо. Успокойся.

А когда она привела девочку Дашу, что-то случилось с ней самой. То ли виной стала безропотность этой девчонки, то ли захватил её агрессивный напор Аллочки, но она поняла дочку: оказалось, так сладко видеть, как девчонка бледнеет, какие затравленные у неё глаза. Только одного опасалась Галина Георгиевна, как бы Аллочка не набросилась на «гостью» с кулаками.

Вот домой к Кирке пойти – эта мысль, правда, ей самой в голову пришла: обложить его, чтоб со всех сторон красные флажки. Тогда уж он точно не вырвется. Аллочка, в общем-то, права оказалась. Если б он смог первым с Дарьей поговорить, неизвестно ещё, как бы она себя повела. А теперь, после того, как с ней «побеседовали», ему трудноватенько будет найти поддержку с её стороны. Теперь у него одна возможная опора осталась – мать с бабкой. Вот и надо её выбить тоже. Пусть и оттуда на него давят. Тогда деваться ему станет некуда.

И Галина Георгиевна заторопилась в дом Кирилла. Правда, тут она рисковала – он мог оказаться дома, мог просто выгнать её. Конечно, из этой ситуации тоже можно было бы выгоду добыть – синяки на руках, к примеру, не помешали бы. Но очень уж не хотелось угодить в положение выкинутой на улицу.

Галине Георгиевне, повезло – Кирилла дома не было, и всё получилось в лучшем виде: мать и бабка остались перепуганные до полусмерти. И отведённую им роль сыграют как миленькие.

...Кусок времени, как она шла домой, как в дом вошла – эти минуты совершенно выпали у Даши из памяти. Она не плакала, даже как будто и не думала ни о чём – как сомнамбула, медленно разделась, легла на кровать, сжавшись в комочек, и... заснула.

Даша не слышала, как пришла мама, увидела её спящей и тихонько позвала по имени.

– Ну, спи-спи, доченька, – ласково прошептала она и укрыла одеялом. – Намаялась, золотко моё.

Не слышала приглушённого стука двери и голоса Кирилла:

– Что, пришла Даша?

– Дома! Спит вон, умучились, видать.

– Ну, пусть спит, не будите её.

Глава 14. Уходи

Даша проспала весь день. Часов в шесть мать пыталась разбудить её, чтоб ужином накормить – нет, не могла добудиться, спала дочка как убитая. Подивилась, конечно, Мария на такой беспробудный сон, но тормошить Дашуньку не стала: может, она, бедняжечка, всю ночь глаз не сомкнула? Да поди-ка намерзлись ещё в автобусе, известно ведь, какая техника в сельской автобазе – латаная-штопаная, по бездорожью да распутице битая, где на честном слове работает, а где на мате-перемате.

Сидела Мария тихонько, работала – Дашенька дома, больше и не надо ничего, на душе хорошо, спокойно. Позвякивали ножницы, шуршала ткань. Машинкой швейной стрекотать не стала, сберегая дочкин сон. Но только если б знала Мария, что предшествовало этому сну, какое нервное потрясение пережила Даша, покоя на душе и близко бы не было. Ненормально Даша спала, а Мария на свете не первый день жила, знала, что после сильного потрясения, от горя или ещё какой боли, человек может и в летаргический сон впасть – психика будто сбегает от непереносимой реальности. Если бы только мысли такие пришли к Марии, подняла бы она панику. А так – ну, что ж, спит дитё. Плохо, конечно, что не поевши, ну да проголодается коль, сама тогда проснётся. Вот Кириллу ещё плохо – скучно без Даши. Сколь раз забегал сегодня, Мария и со счёту сбилась. Но дочку будить не дала, ничо, пусть денёчек поскучает, тем праздничнее им будет праздник, улыбалась про себя Мария.

Да покою на сердце у Кирилла не было. Места себе не находил, день долгий, безумный, всю душу повытянул. Про свадьбу сегодня и думать забыл – до веселья ли, когда чувство такое, будто облит помоями с головы до ног, и что ни делай, а тошное чувство это не проходит. Особенно после того, как побывал он у Елецких. А как было не пойти, когда кипела в нём злость на прокуроршу – с какой это стати она заявила к матери и бабке, наговорила чёрт-те чего, наорала. Пусть-ка теперь поорёт на него, на Кирилла.

Только Галина Георгиевна кричать не стала. Говорила сдержано. Вот глаза шибко нехорошие были, и смотрела она в упор, с угрозой. Угроз её и обвинений пустых Кирилл не испугался, но противно было.

– Я тебя посажу, можешь не сомневаться, – к этому сводилась суть всех её слов, да она и немногословна была.

– А в доказательства коньяк отравленный подошьёте?

– Ты об доказательствах не переживай. Будут доказательства.

– Ну, дак и у меня будут.

– Это что ж, ты со мной тягаться решил?

– Не знаю я, что такое вы задумали, а только добра вам из этого никакого не выйдет.

Под статью хотите меня подвести? Сперва об том подумайте, что мне тогда разницы не будет – по одной статье идти или, к примеру, по двум.

– Грозишь? Ты – мне?!

– Зачем? Предупреждаю.

Аллу он не видел, да и видеть не хотел.

...Даша проснулась среди ночи и до утра глядела в обступившую её темноту. В душе было так же темно, пусто и выстужено. Ненормальный сон её стал своеобразной анестезией, к которой прибегла Дашина психика, просто выключив её сознание на время, пока организм справлялся с нанесённым ударом. Теперь последствия его ослабели, по крайней мере до степени, когда эмоции уже не грозили взорваться сметающим, болезненным, бесконтрольным бунтом-протестом.

К этому времени минуты, проведённые в доме Елецких, утратили смертельную свою ядовитость, и хоть болело, жгло, будто клеймо раскалённое, но ожог души переродился в урок,

пусть жестокий, горький как хина, но урок, и Даша была сегодня уже не та, что вчера. Так отмирает, делается бесчувственной кожа на месте ожога. В глубине под ней скрыта тоненькая, чувствительная кожица, но сверху укрыта она мёртвой, которой всё равно – хоть коли её, хоть режь.

Утром Даша была спокойна, разве что немного медлительна, задумчива – вроде как не от мира сего. Но, чтоб это заметить, надо было приглядеться, в самую глубину глаз заглянуть, только едва ли Даша пустила бы туда сейчас кого бы то ни было. Часу в десятом услышали они, как стукнула калитка.

– Вот и Кира! Он вчера не знаю сколько раз приходил, – сказала Мария.

Даша, внешне по крайней мере, осталась абсолютно спокойной. Повернулась к входной двери, встала, прямая и... равнодушная.

Кирилл вошёл, склонив голову в дверном проёме, распрямился – и как на шило наткнулся. Чужие глаза на него глядели. Без злобы, без упрека даже. Просто – чужие.

Сколько они друг на друга глядели? Секунды. А Марии показалось – вечность. Странное на её глазах происходило и непонятное: Кирилл слова не сказал, войдя, только безотрывно на Дарёнку глядит. Чего это такое промеж них?

– Что ж ты... – Даша будто через силу губы разлепила, – Кира... У меня попросил бы... тебе я не отказала бы. Тебе – всё бы отдала.

А голос-то... лёд... слова – иглы ледяные.

– Дарья! – охнула Мария, к Кириллу глазами метнулась и того хуже стало: Кирилл... как он лицом потемнел... Да что ж такое делается?!

– Даша...

Сказал или выдохнул?

– Уходи. Не приходи никогда.

– И не выслушаешь?

– Уходи.

У Марии все слова подевались куда-то. Стоит онемелая, ладонь ко рту прижав, и только глядит непонимающими глазами, не верящими в то, что перед ней происходит.

– Это... что было-то... – спросила Мария, глядя на дверь.

– Кирилл Алку Елецкую изнасиловал.

– Да ты что?! – Марии показалось, что волосы у неё на голове зашевелились. – Ты с ума сошла! Приснилось тебе что ли, Дарья?!

– Всё, мам. Не спрашивай больше. Узнаешь ещё, теперь много найдётся охотников язык почесать.

– А тебе-то кто такое сказать мог?! Когда?!

– Да Елецкие и сказали, вчера.

С этим Даша отвернулась от матери, взяла свою школьную сумку и села за книжки и тетрадки. Это было самое лучшее занятие, которое она могла себе придумать – заняла голову задачками, чтоб не пробрались туда всякие ненужные мысли. И, как ни странно, ей это удалось, причём без особого старания. Просто сейчас, как Кирилла увидела, будто ещё одну задачку решила, ответ нашла. И стало всё равно. Досадно только, да и то, слегка – что голова безоглядно кружилась, что наивной была до глупости. А в жизни всё проще. Желания проще. Поступки предсказуемы. Если душой не быть. Значит, не случилось ничего особенного, всё так и быть должно, как случилось. Просто она дура душой была. До вчерашнего дня.

...Так случается, когда обрушивается на человека беда неожиданная, негаданная, непоправимая. И он далеко не сразу чувствует в полной мере, что же случилось, как переменялась его жизнь. Вроде бы, в полном разуме человек: говорит, ходит, делает всё, что нужно и как положено. И даже думает, что всё понимает. Но, в самом деле, живёт, будто на автопилоте. И видит, и слышит, и понимает, но сознание и чувства принимают лишь половину от полной меры.

Проходит месяц, другой, а то и через год навалится тоска невыносимая, душу точить станет, и жизнь сделается не мила... Тогда выходит человек из воли разума и такое в нём происходит начинается, что впору диву даваться – будто что-то там внутри сломалось, отчего всё вразнос идёт: и жизнь, и поступки, и чувства, и даже тело само по странному вести себя начинает.

Кирилл не помнил, как на улице оказался. Вот где главная-то боль ждала... такая, что будто угли из печи прямо на живое сердце сыпанули. Пекло, жалило. Сначала больше всего обида пекла – что же она так? не спросив, не выслушав? как могла поверить любому, но не ему?

И вот этот вопрос «как могла?» встал, как кусок поперёк горла, не промелькнул в сумятице прочих. Ведь будто не Даша с ним говорила. Девчушка стеснительная, скромница, такие слова никогда не сказала бы. Да ещё вот так... да при матери... Что случилось с ней? И когда? А когда, как ни в тот короткий промежуток, как с автобуса домой шла и пропала куда-то! Елецкие! Ах же мразь! У Кирилла аж в глазах потемнело. Как смели к Даше руки свои поганые протянуть, рты поганые пораскрывать?!

И уже не стало обиды в помине. Только боль, боль... Что же они с нею сделали, так чтоб переменялась? Первый порыв был – к ним, ответа потребовать, заставить в клевете признаться. Вторая мысль остановила. Как заставить? Кричать и кулаком в грудь себя стучать? По их головам стучать? Всё решил бы простой анализ. Да ведь не пойдёт Алка на этот анализ. И его сила против них ничто. У них своя сила. Требовать, кричать – так Галина милицию натравит. Доказывать там свою правоту? Посмеются только. Ведь нет никакого обвинения, только слова, которые к бумажке не прилепишь. Всё не то, не то. Не видел Кирилл, что может он противопоставить сейчас их лжи. Будто в болоте вяз – опереться не на что. Единственное, что опорой стать могло – вера близких людей, вера его слову. Но Елецкие выбили и эту опору. Мать с бабушкой будто и хотели бы верить, да страху прокурорша на обоих нагнала, и, видать, так себя держала, что вопреки вере невольные сомнения душу скребли. А какая уж вера с сомнениями напололам? Даша... ох, Даша-Дашуня... что сделали они, если ты будто наизнанку вывернутая? Вот за это виноват перед ней, из-за него всё... из-за него... виноват без вины.

Кирилл мучился тем, что ничего не может предпринять вот сейчас, немедленно... Корил себя, что не спросил у Натальи, когда будет готов анализ крови. Хотя, конечно, не раньше этих бесконечных праздничных дней, будь они неладны!

Не знал ещё Кирилл, что не будет никакого анализа. Галина Георгиевна и тут промаху не дала. Знала – единственное, что не могла она уничтожить, как бутылку и стакан – след в крови, это осталось у Кирилла. Значит, следует позаботиться, чтоб изъять и последнее, единственное доказательство. Поэтому так расстаралась, что в середине недели Наталья сказала, краснея и пряча глаза:

- Кирилл, делай со мной что хочешь... нету анализа.
 - Почему? – удивился он, ещё не совсем понимая, что значат для него эти слова.
 - Я разбила пробирку... Заторопилась... Я ведь в тот же день хотела анализ сделать, как кровь взяла... ну и пошла вечером. А после свадьбы... сам понимаешь. В общем, разбила...
 - Почему сразу-то не сказала? – помолчав, глухо спросил Кирилл.
 - Боялась.
 - Тебя заставили так сделать?
 - Нет! Ты что? – поспешно вскинула на него глаза Наталья, и тут же они ускользнули в сторону. – Кто бы меня заставил?..
 - Скажи правду – сейчас ещё не поздно повторить?
 - Неделя же, считай прошла...
 - Значит, поздно?
- Наталья едва кивнула.
- Ты меня убила, – помолчав, сказал Кирилл.
 - Прости...

– Конечно, что мне ещё осталось, – усмехнулся он, обошёл стоящую женщину и пошёл прочь.

Если б все сплетни-пересуды стали слышны сквозь стены, выползли бы из-под крыш, деревня зажужжала бы подобно разворошённой пчелиному улью. Вот это событие! Вот это небывальщина! Тут есть о чём посудачить: красotka Алька Елецкая, прокуроршина дочка! и Кирилл! ну, кто бы подумать такое мог?

– Вот дурак, нашёл с кем связаться!

– Ну, Алька тоже, та ещё вертихвостка!

– Мож теперь и наш черёд подкатиться? А чего? Попытка не пытка, за спрос в лоб не даст.

– Это смотря какой спрос. А то так влипнешь, не обрадуешься. Кира влип, а уж ты-то и подавно сиди – схрямают и не заметят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.